

**Владимир
ВАСИЛЕНКО**

16+

**Серый
пилигрим**

Владимир Василенко

Серый пилигрим

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Василенко В.

Серый пилигрим / В. Василенко — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Этот мир только недавно оправился после страшного катаклизма, который уничтожил три четверти человечества и оставил на теле планеты гигантский шрам, именуемый Разломом. Разрозненные города-государства объединяются под началом нового лидера – императора Валора. Кто-то видит в этом благо, кому-то не по душе новые порядки. А есть и те, кто ведет свою собственную тайную войну, возрождая древний орден Серых пилигримов...

© Василенко В., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Часть первая. Серый и Черный	5
1	5
2	16
3	21
4	26
5	32
6	38
Часть вторая. Коготь	42
1	42
2	45
3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Часть первая. Серый и Черный

1

Валемир, год 237-й от Разлома, осень

Вот всегда так! Можно дрыхнуть хоть до обеда – вскакиваешь чуть свет. Нужно встать пораньше – едва получается голову от подушки отодрать...

Барт с мрачным видом разглядывал потрескавшиеся от старости потолочные балки, размышляя – а не послать ли всю эту затею псу под хвост. По утрам, на свежую голову, многие гениальные планы не кажутся такими уж гениальными. А вдруг Индюк про все узнает? Тут фантазия юного Твинклдота, обычно не ведающая границ, отказывала. Как видно, шадя и без того потрепанные нервы.

Зевнув так, что позавидовал бы и бегемот, Барт рывком сбросил с себя одеяло. Ёжась от утренней прохлады, приступил к водным процедурам. Начал с лица и шеи, затем тщательно прочистил уши, смочил волосы на затылке, чтобы не торчали непослушными вихрами. С сомнением потрогал волоски над верхней губой. Бриться не стал – время уже не терпит, да и кожа покраснеет. Выглядеть будет еще более несолидно, чем с таким вот рыжим пушком. Ещё и порежешься, как всегда.

Надел все парадное. Старенький, но еще вполне приличный сюртук, доставшийся в наследство от младшего «индюшонка», Бонацио, после того, как тот растолстел настолько, что перестал в него влезать. Белую манишку без пятен на видных местах. Штаны в узкую полоску. Штиблеты с медными пряжками. В левый внутренний карман – к самому сердцу – сунул туго набитый кошелек.

Индюк, то есть, простите – почтеннейший Донателло Твинклдот, брат трагически сгинувшего в пустошах папеньки Барта – вместе с двумя старшими отпрысками отправился вдоль побережья в Тиелат за каким-то важным грузом. Предшествовал этому событию продолжительный и весьма неприятный разговор.

– С самого детства ты не устаеть огорчать меня, Бартоломью, – скорбно вздыхал дядя, сняв свои маленькие очки в медной оправе и шурясь на Барта усталыми, вечно слезящимися глазами. – Ты словно бы нарочно не хочешь замечать того добра, что я делаю для тебя, и стремишься лишь отравить мою жизнь своими бесконечными каверзами.

Он шумно высморкался в один край своего необъятного клетчатого платка, а другим начал методично протирать линзы очков, не спуская взгляда с непутевого воспитанника.

– Я скромный человек, Бартоломью, и одно из немногих моих достояний – это честное имя. Честность и порядочность – качества, которые просто необходимы торговцу, чтобы сохранять свою репутацию и успешно вести дела...

У Барта было кардинально противоположное мнение по поводу того, какими качествами должен обладать успешный торговец. И, судя по плачевному состоянию лавки Дона Твинклдота, мнение Барта было куда ближе к истине. Но говорить об этом он, конечно, не стал. Он давно уже заметил, что, если просто стоять со скорбным видом и время от времени кивать в знак согласия, то любой разговор с Индюком займет втрое меньше времени.

– В духе скромности и благочестия я старался воспитывать и своих детей. И тебя тоже, ведь позаботиться о тебе – это мой долг, в память о моём несчастном брате. Но – видит Аранос – эта обязанность легла на меня тяжким грузом...

Он в очередной раз скорбно вздохнул, а Барт в очередной раз кивнул, разглядывая носы своих штиблет.

– В тебе сидят демоны, Бартоломью. Это стало ясно еще с ранних лет, когда ты, едва научившись ходить, уже подбрасывал гвозди в кастрюли несчастной Мэм и поливал маслом ступени лестницы.

– Я стыжусь этого, дядюшка... – виновато шмыгнул носом Барт.

– Да неужели?! Можно подумать, что-то изменилось с тех пор! – дядя на миг потерял терпение, и в сердцах швырнул очки на стол. – Кто неделю назад подлил касторового масла в суп Бонацио?! Кто чуть не до смерти перепугал несчастную Милу, когда та принимала ванну? Кого позавчера видели в компании портовых грузчиков, играющим в кости?!

– Я больше не буду, дон Донателло, – привычно кивнул Барт, про себя добавив «не буду попадаться».

– Будешь! – Индюк мотнул головой и громко фыркнул, оправдывая свое прозвище. – Ты изворотлив, Бартоломью, но меня ты не обманешь. Я вижу тебя насквозь!

Дядя нацепил свои очки и взглянул на Барта еще пристальнее.

– Ты хитер, ты жаден до денег и, что самое печальное – ты неблагодарен! Ты думаешь только о собственной выгоде и об удовольствиях, но понятия не имеешь об ответственности! Ты пользуешься моей добротой и терпением, и все достается тебе без труда. А такой образ жизни никому не пойдет на пользу...

Он ненадолго замолчал, будто собираясь с духом, и затем с необычной для него твердостью произнес:

– Так не может больше продолжаться, Бартоломью. Ты уже почти взрослый, и ты не можешь вечно сидеть у меня на шее. Ты либо начнешь честно трудиться на благо семьи, либо...

Повисла драматическая пауза.

– Я буду трудиться... – осторожно сказал Барт. Странно, что Индюк завел этот разговор. Ведь после пары казусов он неохотно доверял племяннику даже работу на складе, не говоря уж о том, чтобы становиться за прилавок.

– Хорошо, – кивнул дядя. – Мы отплываем послезавтра. Нас не будет дней десять-двенадцать. И на это время ты остаешься в лавке за старшего.

Барт едва не поперхнулся от неожиданности. Вот это поворот! Хотя, конечно, выбор у дядюшки невелик, коль уж он забирает с собой в плаванье старших сыновей. Третьему его сыну, Бонацио, хоть и стукнуло без малого девятнадцать, но доверить ему дело ответственнее, чем ковыряние в носу, было бы поступком крайне опрометчивым.

– Ты понимаешь, что это значит, Бартоломью?

– Эээ... ну, да...

– Пока нас не будет, ты должен будешь каждое утро открывать лавку и работать за прилавком весь день вместе с Бонацио. Все покупки будешь записывать в книгу, как это делаю я. Вечером всю выручку будешь приносить в мой кабинет, и делать запись здесь, – дядя ткнул пухлым пальцем в исполинского размера амбарную книгу в потрепанном переплете из телячьей кожи.

– Надеюсь, ты ценишь то доверие, которое я тебе оказываю. И надеюсь, что, несмотря на твою неблагодарную натуру, у тебя хватит совести не обкрадывать того, кто содержит тебя с самого детства. Тем более, что я все равно об этом узнаю. И тогда уж ты точно покинешь стены этого дома. Ты это уяснил?

Барт кивнул.

– Каждый вечер надо будет тщательно запираť лавку, склад, калитку на заднем дворе, входные двери. Я на всякий случай распоряжусь, чтобы Мэм и Бонацио тоже проверяли все замки каждый вечер...

Барт снова кивнул, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. У него в голове вертелся целый рой идей о том, как воспользоваться этой небывалой удачей, и бубнеж старого Индюка мешал сосредоточиться.

– Я договорился с поставщиками и отложил все крупные сделки до своего возвращения. Тебе останется только закупить бобов и кукурузы у Дуду. Он придет через несколько дней, привезет запасов на зиму. Вот тебе деньги на покупку.

Дядя выложил на стол небольшой кошелек из потертой светлой кожи.

– Здесь ровно шестьсот лир.

Барт присвистнул. Для торговых операций эта сумма, конечно, была сущим пустяком. Но для него, Барта, это целое состояние. Ему за всю сознательную жизнь удалось накопить лишь чуть больше сотни. Конечно, сумма сбережений могла быть солидней, если бы ему чуть больше везло в игре в кости и чуть меньше тянуло к девицам...

– Ты меня вообще слушаешь, Бартоломью?

– Да, да, конечно, дядя!

– Отнесись к этому серьезно, юноша. Это проверка. И если ты пройдешь ее успешно – то лавка «Твинклдот и сыновья» обретет нового полноправного партнера. Ты будешь работать наравне с кузенами и получать жалованье. Скажем, 50 лир в неделю. Это очень неплохие деньги для подмастерья.

Да уж, ты, как всегда, щедр, дядюшка. Хватит как раз на пару дешевых шлюх. Или на одну поприличнее, у которой хотя бы все зубы целы.

Тем не менее, к поручению Индюка Барт и впрямь отнесся со всей серьезностью. Ведь оно давало шанс на перемены в его жизни. И речь, конечно, не о сомнительном удовольствии торчать целыми днями за прилавком в обмен на жалкие гроши. Тут выдавался шанс разбогатеть. С учетом собственных сбережений в руках у Барта оказывалось больше семисот лир. Какой-никакой, а стартовый капитал, и можно заставить его поработать. Конечно, сроки поджимали, но, тем не менее, у Барта быстро созрел план. Старший Твинклдот еще не успел покинуть гавань, а его племянник уже точно знал, куда вложит его деньги.

И вот, наконец, наступило то утро, когда пора было приниматься за дело.

Еще раз пригладив пятерней рыжеватые волосы, юноша придиричливо осмотрел себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком. Кивнул, убедившись в своей неотразимости.

Покидал он каморку в приподнятом настроении. По дороге заскочил на кухню, где в этот ранний час уже хлопотали толстуха Мэм со своей румяной дочуркой Донной. Оно и немудрено. Здесь, в потрепанном двухэтажном домишке у торговой площади, проживает все семейство Твинклдотов – дон Донателло с тремя сыновьями, двое из которых уже обзавелись женами, а старший Марио – еще и потомством. Вдобавок милостью сердобольного главы семейства тут расположились и нахлебники: потихоньку сходящая с ума сестра покойной тетюшки Сильвии, Марта, со своей феноменально конопатой дочерью Милой, ну и сам Барт. В общем, готовить кухаркам каждый день на добрую дюжину человек. Судя по запаху, нынче на завтрак ожидается нечто, в основе своей имеющее копченые колбаски.

Барт грациозно обогнул необъятную фигуру Мэм, проскользнул между двумя столами, мимоходом стянув обрезок колбасы.

– Что за таскотня до завтрака?! – прогудела Мэм ему вслед. Ответ получила невнятный – юноша уже успел отправить закуску в рот. На пути к дверям попытался ухватить еще кусочек, но путь преградила Мэм-младшая – этакая уменьшенная копия мамыши.

К Донне Барт всегда питал слабость.

– Приветствую, о прекраснейшая! – церемонно поклонился он, прижимая правую руку к груди. – Вы сегодня как никогда очаровательны!

Толстуха хихикнула, отмахнулась пухлой ладошкой. Барт же, выходя из реверанса, неуловимым движением ухватил еще один кусок колбасы прямо с разделочной доски и юркнул мимо.

– А ну, положи! – не очень-то надеясь на успех, потянулась за ним Донна, но Барт без труда увернулся и, поднырнув ей под руку, оказался у нее за спиной. По ходу маневра, не

удержавшись, ущипнул девушку за аппетитно выглядывающую из декольте выпуклость. Донна, опять-таки только для вида, взвизгнула и замахнулась на него полотенцем, но юного Твинклдота уже и след простыл.

Уже на улице, щелкая каблуками по булыжникам мостовой и дожевывая колбасу, Барт в очередной раз прикидывал в уме все детали предстоящего дела.

Портовый район Валемира приютил в своих недрах десятки, если не сотни разномастных магазинчиков, лавок, трактиров. Некоторые из этих заведений, к примеру, «Твинклдот и сыновья», несмотря на более чем скромный доход, пользуются известным уважением. И все благодаря главному принципу дядюшки Дона – «лучше меньше, да лучше». Старый Индюк как огня боится сомнительных сделок и готов мотаться вдоль всего побережья в погоне за мизерной, но честной прибылью. Заработанного, конечно, хватает на то, чтобы прокормиться, но Барт на месте дяди уже давно бы занялся чем-нибудь более выгодным.

Но, чтобы самому открыть дело, нужен хоть какой-то капитал. Та сотня лир, что скопил Барт за последние пару лет, не в счет. Для настоящего дела нужен корабль – личный или зафрахтованный. И не жалкое корыто вроде того, что у дядюшки, пригодное только для хождения вдоль берега, а настоящая плавучая крепость, на которой не страшно было бы отправиться к Бакши. А еще лучше – к Архипелагу. Впрочем, для начала сгодился бы и небольшой, но быстроходный баркас.

Архипелаг тысячи островов.... Синд-аль-Баар, как называют его пустынники с Бакши. Таинственный, неизведанный, населенный кровожадными дикарями чудовищами, полный древних сокровищ... Страна сказочных богатств и сказочных возможностей. Если, конечно, верить той книге, что Барт как-то купил на последние деньги, а теперь хранил у себя на чердаке, время от времени перечитывая самые интересные моменты.

Барт мечтал отправиться в плаванье, сколько себя помнил. Как-то раз, еще совсем мальчишкой, он даже тайком пробрался на отчаливающий корабль, надеясь устроиться в команду юнгой. Досталось ему тогда дважды – матрос, нашедший его в кубрике, отстегал его куском каната, приняв за воришку, а Индюк дома добавил широким кожаным ремнем.

Впрочем, может, эти и к лучшему. Позже Барт насмотрелся на матросню в порту и понял, что жизнь юнги – не сахар. Не для того боги наградили Бартоломью Твинклдота столь светлой головой, чтобы он от зари до зари драил палубу. Уж лучше скопить пару тысяч лир и выкупить место на корабле в качестве полноправного партнера. Работать, конечно, все равно придется, но статус будет уже не как у наемной матросни.

Эх, как Барт мечтал вырваться из дядюшкиного дома и отправиться в плаванье! От Валемира – на запад, к Разлому. Оттуда, через один из проходов в рифах – к Бакши, потом еще южнее, к Зуулистану, а оттуда и до Архипелага рукой подать. Есть, конечно, и безумцы, которые отправляются к Архипелагу напрямую – на юго-восток, через открытый океан. Но в последнее время таких становится все реже, поскольку никто из предыдущих пока не возвращался.

Последние два года Барт только и делал, что ошивался в порту, дожидаясь появления отчаянного капитана, снаряжающего очередную экспедицию на юг, за сокровищами древних арранов. По рассказам тех, кто все же возвращался с Архипелага, путешествие того стоило. Опасностей было хоть отбавляй: рифы, штормы, непролазные джунгли, орды порченных игнисом дикарей, почти утративших человеческий облик. Но зато какие богатства ждут смельчаков в руинах древних храмов! Одной удачной ходки до Архипелага хватает на то, чтобы сделать всю команду корабля богаче торговцев пряностями.

Итак, все, что стояло на пути Барта к его заветной мечте – это какие-то жалкие пару тысяч лир, чтобы выкупить место на кораблей. Чтобы накопить такую сумму, понадобилось бы несколько лет работы в дядюшкиной лавке. Но боги сжалились, и дали ему шанс.

Как можно заработать, имея на руках шесть сотен лир и всего несколько дней времени? Причем большую часть времени при этом нужно торчать от зари до зари за прилавком?

Попробовать сыграть в кости по крупным ставкам? Нет, Барт был не настолько глуп. Даже если бы его допустили к большой игре – то шансов на то, чтобы остаться в живых после выигрыша было еще меньше, чем на сам выигрыш. Но вернее всего его бы ограбили сразу же, еще до игры. Одиноким юнец с семью сотнями лир серебром. Да это же просто подарок небес!

Нет, нужно было действовать осторожнее. И решение созрело само собой.

Как уже было сказано, торговцы бывают разные. Честные и добропорядочные, вроде дядюшки Дона, или же такие, как Хорёк Дабер, лавка которого похожа скорее на заброшенный сарай, жмущийся к самой кромке воды. У Дабера можно найти все что угодно – от пуговиц до двуручных мечей, иногда по подозрительно низким ценам. Причем скупка краденого, похоже, еще самое безобидное из его занятий.

Тем не менее, именно в его лавку с утра пораньше направил свои стопы юный Твинклдот. Накупить у старого пройдохи всякой всячины по бросовым ценам, и затем сбыть все в дядюшкиной лавке. План прост, как все гениальное. Никому и в голову не придет, что в лавке почтенного Донателло может продаваться краденое, так что, если пустить товары по цене чуть ниже обычного – все расхватают за день-два. То, что надо.

Хотя, чем ближе Барт подходил к месту предполагаемой сделки, тем медленнее становились его шаги. Внутри шевелилось какое-то смутное беспокойство, словно бы он забыл о чем-то важном.

А может, ему просто немного боязно? Час ранний, еще темно, а после того, как Барт покинул мощеную площадь и углубился в окружающий её лабиринт мостков и понтонов, выстроенных над водой, стало еще и тихо – только плеск волн где-то внизу и тихое поскрипывание досок.

Бухта, у которой располагается Валемир, пожалуй, единственное сносное место для причала крупных кораблей на всем юго-восточном побережье. Собственно, поэтому-то здесь и образовался один из крупнейших торговых городов континента. А единственный недостаток бухты – её мелководность – сказался на планировке портового района. Во время прилива глубина у побережья – не больше человеческого роста, а в отлив и вовсе даже на шлюпках к берегу пристать невозможно. Так что вырос здесь постепенно целый город на воде.

Началось все, наверное, с длинных, уходящих на добрую тысячу шагов в море, пирсов и причальных стенок. Потом на отмели, обнажающиеся во время отлива, натаскали побольше земли, укрепили края каменной кладкой и превратили в небольшие островки. Некоторые здания и вовсе высились над водой на толстых каменных или деревянных сваях. И между всем этим – паутина понтонов и навесных мостков.

На самом большом островке располагается торговая площадь и часовня Девы Ветров, увенчанная статуей длинноволосой девушки, с надеждой и тоской вглядывающейся в горизонт. Дева – воплощение всех жен, сестер, матерей, дочерей, что ждут на берегу тех, кто отправился в море. Не столько богиня, сколько просто символ. Богов в Валемире и без того хватает – здесь сходятся воедино десятки торговых путей, и те, кто прибывают сюда, привозят своих богов с собой.

Несмотря на ранний час, в торговых палатках уже началась возня, а с первыми лучами солнца, когда в часовне ударит колокол, площадь враз оживёт, будто и не спал никто, и воцарится обычная толчея, так что плюнуть некуда будет.

Но Дабер наверняка уже сейчас на ногах. Точнее, еще. Режим у него особый – лавка закрыта большую часть дня, и первые посетители подтягиваются туда ближе к закату.

В общем, Барт вполне мог рассчитывать на то, что хозяин будет на месте. Да и бояться вроде бы нечего. Хорек, конечно, тип неприятный, но пару сделок с ним юноше уже доводилось проворачивать. Позавчера он уже присмотрел пару вещичек, которые нужно будет выкупить в

первую очередь. Например, кинжал с рукояткой, украшенной почти настоящими самоцветами. На него у Барта и покупатель имеется – Матео, сын торговца сладостями. Договорились, что кинжал тот купит за пятьдесят лир, в то время как Хорек продает его за двадцать. Тридцать лир с одной сделки – это совсем даже неплохо. А если еще и попробовать поторговаться...

Занявшись подсчетом будущих прибылей, Барт понемногу отвлекся, так что сам не заметил, как оказался возле магазинчика. Вывески на заведении Хорька не имеется. Кому надо – и сами найдут, а лишние посетители Даберу ни к чему. Да и вообще, это кособокое строение на высоких сваях, с входом, расположенным под самой крышей, будто в скворечнике каком, напоминает что угодно, но не магазин. Даже шаткую лестницу, ведущую наверх, к дверям, Дабер не удосуживается починить для удобства клиентов – на половину ступенек ступить страшно, того и гляди – развалятся под ногами.

Барт, снова немного оробев – дело все-таки серьезное, не то, что обычные шалости – медленно поднялся по лестнице и потянул за ручку. Старая скособоченная дверь открылась плавно и на удивление бесшумно – видно, петли совсем недавно смазали.

Дверной проем зиял непроницаемой тьмой, и соваться туда совсем не хотелось. Юноша шагнул через порог, поежившись, будто ступая в холодную воду.

– Не дрейфь, парень, – подбодрил он сам себя шепотом. Имелось у него такое обыкновение – разговаривать с самим собой, а иногда даже спорить. Много раз он пытался искоренить в себе эту привычку, но понял, что это бесполезно.

С устройством внутренних помещений он уже был знаком, так что не растерялся. Сразу за порогом начинается короткий и узкий – едва ли шире самой двери – коридорчик, через несколько шагов заканчивающийся тупиком. В конце коридора, по правую руку – неприметная дверка с такой низкой притолокой, что входить в нее, не скрючившись в три погибели, похоже, только сам Дабер и может.

В коридоре всегда темно, как в погребе, так что пробираться приходится едва ли не на ощупь. Правда, в этот раз можно ориентироваться по слабому отсвету лампы, пробивающемуся в щель приоткрытой двери.

Барт, невольно затаив дыхание, заглянул в щель. Там, за дверью – комната, что занимает большую часть лачуги Дабера и служит торговым залом. Широкий прилавок отгораживает большую часть зала, оставляя у входа лишь узкое пространство. Там, в глубине, высятся пыльные скособоченные шкафы, в углу установлены две объемистые пивные бочки – как полается, с кранами, вделанными в днище, с висящими на цепочках деревянными кружками. Правда, по мнению Барта, бочки эти на самом деле пусты, а если что-то там и есть, то отнюдь не пиво. И вообще, все эти заваленные хламом шкафы – так, для отвода глаз. Все добро Хорек хранит на нижнем этаже, единственный вход на который располагается где-то в углу зала.

Барт приоткрыл дверь пошире, огляделся. На прилавке стоит древняя масляная лампа, света которой едва хватает на то, чтобы различить очертания комнаты. От окон тоже толку мало – оба узкие, как бойницы, и стекла в них не мылись, похоже, со времен Разлома.

Старика не видно. Странно – этот скряга вряд ли оставил бы зажженную лампу.

– Эй... – тихонько окликнул Барт, и запнулся. Вот ведь незадача – не знаешь, как и позвать этого пройдоху. Величать его *доном* Дабером как-то язык не поворачивается. Как тогда? Не Хорьком же?

– Эй... хозяин...

Нет ответа. И тишина такая, что кажется, будто оглох.

Барт, собравшись с духом, шагнул в залу. Хотел было позвать снова, как вдруг скорее почувствовал, чем услышал какой-то шорох за спиной. У него и без того поджилки тряслись от волнения, а тут он и вовсе шарахнулся, как заяц от выстрела. Метнулся в сторону от двери, к самой стене. Там прилавок обрывается, оставляя узкий проход. В него-то Барт и забрался, замер, пытаясь утихомирить заколотившееся с утроенной силой сердце.

Почти сразу же его охватила досада. Чего испугался-то? Хотя, конечно, мысль о том, что кто-то может застукать его в лавке Хорька, совсем не радует. Как любит говаривать дядя Дон, репутация – такая штука, о которой нужно заботиться смолоду. К тому же шастают сюда всякие темные личности, а ведь у него, Барта, больше семисот лир серебром и никакого оружия при себе. Нет, успокоил он себя, правильно сделал, что спрятался.

Мысли эти успели проскочить за пару биений сердца, и настроение тоже успело радикально поменяться. Теперь Барт чувствовал себя не перепуганным юнцом, забравшимся в лавку торговца краденым, а таким ловким и хитрым пронырой, который знает, что делает, и никому не даст себя обвести вокруг пальца.

Воспрянув таким образом в собственных глазах, Барт окончательно успокоился. Прислушался. По-прежнему тишина. Неужели показалось? Скорее всего, просто крыса заскреблась под половицей. Этих тварей тут наверняка пруд пруди...

Проклятье, где же этот Дабер? Сам же говорил – если что, заходи утром, пораньше. Или сейчас еще слишком рано?

Барт хотел было уже выбраться из своего убежища, но снова что-то почуял. Чутью своему он привык доверять. Собственно, благодаря ему он и получил прозвище Счастливчик.

Скрип в дальнем углу залы. Тяжелый стук откидываемой крышки люка. На стену выползла огромная расплывчатая тень. Наконец-то. Дабер, собственной персоной. В одной руке тащит лампу, кажется, еще древнее, чем та, что на прилавке. В другой – продолговатый сверток, судя по всему, довольно тяжелый. Как обычно, что-то бормочет себе под нос.

О, боги, как же теперь выбраться-то из-под прилавка, чтобы не выглядеть при этом полным идиотом? Вот ведь влип...

– Убью... Или полторы за каждую, или убью мерзавца... – пробубнил Дабер, ковыляя к прилавку. После этих слов у Барта и вовсе пропало всякое желание попадаться ему на глаза.

– Зачем я только сюда сунулся? – одними губами прошептал Счастливчик, втягивая голову в плечи и поплотнее запахивая сюртук на груди, чтобы прикрыть светлую манишку. Нет, все-таки затея со скупкой краденого была не самой лучшей.

Хорёк тем временем поставил лампу на прилавок, тут же задул ее – зачем жечь две? Рядом положил звонко брякнувший сверток. Что-то железное. Наверное, то, что Барт присмотрел накануне – кинжал с самоцветами и остальное. Или он ждет кого-то другого?

Настроение у Барта портилось с умопомрачительной скоростью.

Дабер выудил из-под прилавка небольшой самострел, побряхтел, натягивая тетиву. Неужели и правда собрался его, Барта, порешить?!

Фантазией юный Твинклдот обделен не был, так что в мозгу его мигом сложилась картина злодейского замысла. В самом деле, зачем Хорьку вести дела с каким-то мальчишкой, если можно просто его пришить и преспокойно забрать все деньги? Кто заподозрит в этом старину Дабера? Да и вообще, кто будет искать этого юнца? Город большой, и люди здесь, пожалуй, каждый день исчезают, целыми пачками...

Хорёк снарядил арбалет короткой стрелой с широким зазубренным наконечником, достал из-под прилавка другой, такой же, и принялся заряжать его. Он что, к осаде готовится?

Когда старый пройдоха извлек из-под полы еще и длинноствольный дуэльный пистолет, Барт и вовсе опешил. Он, конечно, был весьма лестного мнения о собственной персоне. Но вряд ли к встрече с ним Хорек готовился бы столь обстоятельно. И особенно – вряд ли он стал бы тратить на Барта драгоценный порох, по новым валорским законам запрещенный к продаже частным лицам под угрозой повешения.

Выходит, он все-таки пришел слишком рано...

Зарядить пистолет Дабер не успел. Снаружи донеслись звуки шагов – громкие, гулкие. Посетитель, похоже, в тяжелых подкованных сапогах. Ступеньки под ним жалобно скрипят, удивительно, что еще не подламываются.

Судя по тому, как незнакомец уверенно шагает по темному коридору, он тоже знаком с внутренним устройством лавки. Еще миг – и он появился на пороге.

Оказалось, что он довольно внушительного роста. Чтобы пролезть в тот лаз, что именуется у Дабера дверью, ему пришлось согнуться чуть ли не пополам. Зацепившись за гвоздь полой длинного черного плаща, окутывающего фигуру бесформенным облаком, посетитель негромко выругался.

– Добро пожаловать, – издевательски ощерился Хорек. Лицо его, и так-то не отличающееся красотой, сейчас подсвечивается снизу неверным светом лампы и напоминает какую-то демоническую маску. Но, несмотря на насмешливый тон и пару заряженных арбалетов под прилавком, чувствуется, что Дабер своего посетителя боится.

Немудрено. У Барта все внутри сжалось, еще когда он услышал эти жуткие шаги за дверью. Сейчас же и вовсе, будь его воля – спрятался бы в собственные ботинки. От незнакомца прямо-таки веет опасностью. И не такой, как, скажем, от уличного хулиганья, что сумело загнать тебя в угол и теперь приближается – нарочито медленно, поигрывая дубинками или намотанной на кулак цепью. От фигуры в черном несет просто запредельным ужасом. Будто какой-нибудь оживший мертвец вздумал с утра пораньше навестить лавку старого Дабера.

– Ну что, готово? – спросил черный густым и гулким, будто из трубы, голосом.

– Мне бы хотелось сначала договориться об оплате, – вкрадчиво проскрипел Хорек, но посетитель нетерпеливо перебил его:

– А мне – нет! Давай уже, выкладывай, что у тебя есть, старый осёл! А там уж я решу, стоило ли это того, чтобы я тащился сюда в такую рань.

Дабер что-то пробурчал, но ослушаться не посмел. Небрежно, как бы нехотя, развернул сверток. Что там, Барту не видно – для этого пришлось бы привстать и, таким образом, показаться на глаза этой парочке. Сейчас же, если что и могло заставить Счастливого сдвинуться с места – то уж точно не любопытство.

Черный склонился над прилавком, рассматривая товар. Лица его не разглядеть из-за широкого капюшона, к тому же у Барта не самая лучшая позиция для обзора. Впрочем, юноше глубоко безразлично, кто этот жуткий тип. Единственное, чего ему сейчас хочется – это вернуться назад во времени и снова оказаться под одеялом в своей камере. Уж в этот раз он бы принял правильное решение и послал бы всю эту затею с Хорьком куда подальше...

Товар верзила в черном разглядывал долго, обстоятельно, не издавая при этом ни звука. Дабер, по всему видно, уже начал нервничать.

– Все, как договаривались, дон. И, скажу я вам, раздобыть все это было ох как нелегко...

– Заткнись, – сказал незнакомец – негромко и как-то растерянно. Будто увиденное привело его в такое смятение, что он позабыл о том, какой он великий и ужасный. Впрочем, Дабер все равно заткнулся.

– Вот это... – сказал, наконец, черный, взвешивая на ладони причудливую штуковину, кажется, полностью состоящую из крючков и шипов. – Откуда это у тебя?

– Э, так мы не договаривались! – мелко затряс головой Дабер. – Мои источники – это мои источники. Если вам нужно будет – я раздобуду еще. Хотя насчет таких вот хреновин ничего обещать не могу. На эту-то по чистой случайности наткнулся. Так что меньше, чем за полторы не продам.

«Полторы сотни за такую ерунду?» – подивился Барт. Может, она серебряная?

– Полторы это не стоит.

– Дело ваше, дон. Может, где-нибудь и не стоит, а старина Дабер просит за неё ровно полторы, не меньше... – тон, которым была сказана эта фраза, не очень-то соответствовал ее содержанию. Да уж, старый хорек боится. Сильнее его страха только его же феноменальная жадность. – Хотя, конечно, вы у меня крупный клиент, берете сразу много чего... В общем, я могу скинуть монет пять-десять... Ну, двадцать... Э-э-э... Тридцать?

Черный мог бы и дальше просто молча пялиться на Дабера, и тот постепенно снизил бы цену до минимума. Но торговаться незнакомец явно не привык.

– Вот что, старый мерзавец! Я сказал, полторы это не стоит. Самое большее, что дам – это тысячу двести. Если расскажешь, где ее взял – добавлю еще сотню.

– А... эхм...

Тысячу двести?! Может, не серебряная, а золотая?

Хорек, похоже, был удивлен таким оборотом дел еще сильнее, чем сам Барт.

– Где достал? Эм-м... Ну, так, это... Там же, где и остальное. Ну, кроме кинжала и вот этого... А вот это кольцо у меня давно уже валялось...

– Плевать! Я спрашиваю, где ты достал ЭТО?

– Так я и... Я же рассказываю! Есть поселок в пустошах. Вальбо. К востоку отсюда, на побережье. Живет там всякое отребье – рыбаки, ловцы жемчуга... Вот. И недалеко от Вальбо – кладбище. С виду небольшое, но это потому, что надгробия там только над самыми свежими могилами. А остальные – просто холмики, и не разглядишь толком. Старые...

– Ясно. Есть еще что-нибудь?

– Ну, как же... Вот тут сколько всего. Вот, фигурки эти. Аж шесть штук... Продам по... Ну... Сколько за них дадите?

Да уж, старик совсем не в себе. Пожалуй, впервые столкнулся с товаром, которому не знает истинную цену.

– Нисколько. Возьму только крис, печати и это. И, пожалуй...

Чёрный поднял со стола кольцо – слишком большое, чтобы носить его на пальце, однако и до размеров браслета не дотягивающее. На внешней стороне кольца – плоский изогнутый шип

– А как же фигурки? – не унимался Дабер. – Тоже древние. Серебряные. Большой ценности, дон...

– Обычные побрякушки, – отмахнулся черный и бросил кольцо обратно на прилавок. Оно звякнуло, столкнувшись с одной из прочих безделушек, отскочило в сторону. Дабер, не глядя, прихлопнул его ладонью, но тут же отдернул руку, порезавшись шипом. Кольцо же свалилось на пол, откатившись чуть ли не к ногам Барта. У того по спине забегали мурашки размером с воробья.

К счастью, Даберу сейчас было не до кольца.

– Как же так, дон? Вы же обещали купить у меня все, что...

– Разве? Я сказал, что возьму, если накопишь что-нибудь стоящее. Или ты припас что-то еще?

– Н-нет... Но я теперь точно знаю, какой товар вас интересует. Если мне попадется что-нибудь такое...

– И часто тебе попадаются что-нибудь вроде этого? – спросил незнакомец, взвешивая на ладони странную шипастую железяку.

– О, я давно занимаюсь такими вещами... – уклончиво ответил старик. – Заходите ко мне через месяц. Я попробую что-нибудь отыскать...

– Сомневаюсь, что мы когда-нибудь еще встретимся. Я здесь проездом. Так что... прощай, старик.

Черный сгреб со стола несколько вещей и, развернувшись, направился к выходу. Старые доски пола жалобно скрипнули под его тяжелыми сапогами.

– Эй, эй! Так просто вы отсюда не уйдете!

Черный, уже стоя на пороге, обернулся.

– Что-что?

Барт судорожно сглотнул, во все глаза наблюдая за незнакомцем. Стоит он как раз напротив лампы, но в складках капюшона по-прежнему клубится тьма. Аранос, спаси и защити! Человек ли это?

– Да, дон. С вас тысячу триста лир плюс... пятьсот за кинжал и за те бляхи с камешками. Никому еще не удавалось уйти от старого Дабера, не заплатив.

В руках у Хорька будто бы сами собой появились оба арбалета. Да уж, когда на кону почти две тысячи лир, он способен на чудеса храбрости.

– Хм... – Незнакомец сделал многозначительную паузу, в течение которой Барт успел раза три покрыться холодным потом, а Дабер, наверное, все пять. – Действительно, я так удивился удачной находке, что совсем забыл об оплате...

Черный снова ненадолго умолк, будто задумавшись. Тишину нарушало только потрескивание фитиля в лампе да хриплое дыхание Дабера.

– Хорошо, что напомнил, старик. Но ты бы мог это сделать и повежливее... – наконец, подал голос жуткий гость. – А ты решил угрожать мне?

– Ну... Я... Конечно, это, наверное, лишнее. Я просто подумал, что...

– Да плевать мне, что ты подумал. И на тебя плевать. Ты мне уже больше не понадобишься. Так что...

Черный взмахнул рукой, и в тот же момент раздались тугие щелчки сработавших самострелов Дабера. Два тяжелых болта ухнули в стену в том месте, где только что стоял покупатель. Сам же Черный исчез, оставив вместо себя лишь легкие струйки темного дыма. Через несколько мгновений рассеялись и они.

В наступившей тишине было отчетливо слышно хриплое дыхание Хорька. Сам Барт даже дышать перестал.

Черный появился так же внезапно, как и исчез. Будто бесформенный сгусток тьмы возник у самого прилавка, сверкнув на мгновение длинным узким клинком. Дабер захрипел, повалившись грудью на прилавок. Барт дернулся от ужаса, и половица предательски скрипнула под ним. Он зажмурился. Услышал, или...?

Секунды поползли медленно, лениво, как густой мед из кувшина. Хорек продолжал жутко хрипеть, беспорядочно царапая ногтями прилавок. Зазвенели безделушки, опрокинутые на пол. Брякнулась набок лампа, разлитое масло тут же вспыхнуло, языки пламени озарили стены убогого жилища.

Барт по-прежнему не мог пошевелиться. Казалось, жуткий тип в черном так и стоит на пороге, только и ждет, когда он покажется из-под прилавка. Во всяком случае, удаляющихся шагов слышно не было. А должно бы – вон он как до этого грохотал своими сапожищами!

Старые сухие доски тем временем разгорались все сильнее, и комната быстро наполнилась едким белым дымом. Барт, зажав нижнюю часть лица платком, выглянул-таки из своего укрытия.

Черного и след простыл. Дабер лежит поперек прилавка и уже не дергается. Кровищи натекло – полкомнаты. Картина жутковатая, но Барт уже столько страху натерпелся за последние минуты, что не очень-то и впечатлился. К тому же сейчас не до эмоций. Огонь с прилавка перекинулся на пол и ближайшую стену, перегородив единственный путь наружу. Еще чуть-чуть – и Барту уже не выбраться.

Юноша бросился вглубь залы, ойкнул, наступив на злополучное кольцо с шипом. Подобрал вещицу, сунул в карман. Можно было пошарить по полу, поискать остальное. Там ведь, кажется, какие-то серебряные фигурки были. Но, в отличие от Дабера, жадность Барта находилась во вполне разумных пределах, так что он бросился к ближайшему окну, сквозь пыльные стекла которого пытались пробиться солнечные лучи.

Может, когда-то окна в лавке и открывались, но в последний раз это делалось явно еще до рождения Барта. Счастливчик безуспешно дергал за ручки до тех пор, пока не вырвал их напрочь из прогнившей рамы.

Дым уже заполнил всю комнату, от него слезились глаза и горела глотка. Барт присел на корточки, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но и там его уже не оказалось. Подхватив колче-

ногую деревянную лавку, юноша со всего маху саданул ею в окно. Весело зазвенели осколки стекла, градом острых брызг обрушившись вниз. Еще удар – и лавка вместе с обломками рамы тоже вывалилась наружу. Вслед за ней показался взъерошенный и запыленный Барт. Прыгать пришлось в воду – дом был крайним, и окна выходили прямо в море. Доплыв до ближайшей причальной стенки, Барт вскарабкался по свисающему канату наверх, кое-как, не снимая, выжал полы сюртука и, хлюпая мокрыми башмаками, бросился прочь. Казалось, вот-вот – и за спиной раздадутся грохочущие шаги Черного.

Приостановился Барт только на торговой площади. Во-первых, запыхался, во-вторых – народ уже потихоньку начал появляться на улице, так что вид несущегося во весь опор мокрого взъерошенного парня, за которым разве что дымный шлейф не тянется, привлекал бы слишком много внимания. Юркнув в узкий проход между домами, юный Твинклдот кое-как причесался, выжал одежду, вылил воду из туфель, и уже в таком относительно приличном виде направился к дядюшкиному дому.

По пути постоянно оглядывался, шел то медленно, то едва ли не вприпрыжку. Да и крюк такой дал, что дорога заняла в три раза больше времени, чем могла бы. Домой, конечно, заходил не через парадную дверь и не через лавку, а вскарабкавшись по водосточной трубе прямо к окну своей каморки. Он часто так делал – стена с этой стороны дома соседствовала с длинной глухой стеной склада, и в узком проходе между ними редко кто появлялся.

Впрочем, все эти предосторожности оказались излишними. Судя по всему, никто за ним не следил, так что можно было со спокойной душой спускаться в столовую. Наверняка уже опоздал к завтраку. Мэм будет ругаться, может, даже без сладкого оставит. Ладно, что уж теперь. Если уж день с самого утра не задался...

Стаскивая с себя мокрую одежду, Барт проверил карманы сюртука, достал кольцо с шипом, которое подобрал в лавке Хорька.

Тяжелое. Металл желтоватого оттенка, блестящий... Да это же чистейшее золото! Шип острый, изогнутый, как птичий коготь. По обеим сторонам от него – какие-то незнакомые угловатые руны. Бороздки забиты чем-то красным. Похоже, кровь – Дабер ведь порезался.

Барт тщательно протер кольцо краем рубашки и приблизил к глазам. Руны по-прежнему отливали красным. Мало того – они, кажется, слегка светились изнутри, как тлеющие угольки. Субстанция, которой они начертаны, будто бы разъела золото – где-то оставила глубокую борозду, где-то – наоборот, застыла на поверхности каплями кроваво-красного янтаря.

Игнис!

Первым порывом было тут же вышвырнуть эту проклятую штуку из окна. Но Барт вовремя опомнился – разбрасываться такими кусками золота было бы неразумно. К тому же он был не суеверен и знал, что красная порча не заразна.

Однако и радоваться было нечему. Оскверненные игнисом вещи по новым валорским законам подлежали немедленной сдаче в казну. Их собирали по всем городам и весям жрецы Араноса, и даже у сборщиков налогов была для этого отдельная инструкция. Что с ними потом делали – непонятно. Как и то, зачем они вообще понадобились Валору.

От этой штуки надо избавляться, иначе она сулит крупные неприятности. Но... столько золота... Барт крикнул от досады и засунул кольцо под матрас. Ладно, выбросить его всегда успеется.

Стянув мокрый сюртук и штаны, юноша развесил их на спинках стульев сушиться. Один за другим проверил карманы...

И вот тут-то не удержался и вскрикнул в голос.

Кошелек на месте не было!

2

Валемир, год 237-й от Разлома, осень

За завтраком Барт сидел мрачнее тучи, вяло ковыряя вилкой колбасу и отмахиваясь от расспросов. После нехотя поплелся в лавку. Бонацио уже давно там. Хотя, это даже к лучшему. Если бы он застал Барта за столом, то уж точно не отвязался бы, пока все не выпытал. Более занудного типа Счастливики не встречал. Вылитый папаша, разве что мозгами природа не наградила.

Лавка занимает весь первый этаж особняка Твинклдотов и, в отличие от жилых помещений, имеет выход не в узкий проулок, а напрямик на торговую площадь. В общем, местечко что надо, и от недостатка посетителей «Твинклдот и сыновья» не страдают. Тем более что товары их – в основном бакалея да разная подержанные вещи – хоть и не приносят большой прибыли, но и на прилавках не залеживаются.

А в подвале дядюшка Донателло варит неплохое пиво. Правда, продает он его оптом в близлежащие таверны. Барт сколько раз уже намекал дяде, что, если бы они сами открыли кабак, то можно было бы вовсе забросить всю эту торговлю мылом да крупами и жить припеваючи. Но Индюк почему-то не хочет связываться с этим делом, полагая содержание питейного заведения занятием не вполне добропорядочным и благородным. Тьфу! А скупать у пропахших навозом фермеров из окрестных деревень всякие там бобы и кукурузу, а потом перепродавать ее с наваром в несколько лир с корзины, выходит, благороднее?!

– Барт, ты где шляешься все утро? – забубнил Бонацио, едва завидев его на пороге. – Я же не могу один со всем управляться. Хорошо, покупателей пока мало...

Покупателей, как можно было заметить, пока нет вообще. Бонацио же занят размещением ассортимента на прилавке. Как всегда по осени, Индюк закупил свежих овощей и фруктов, и толстяк размещает их в неглубоких ящиках, под наклоном установленных на прилавке. Работа как раз для него – аккуратно, разве что язык не высовывая от усердия, укладывает на полках морковку, луковицы, яблоки. Все, как полагается: самые чистенькие и красивые – снаружи, на виду, а те, что с червоточинкой или с ушибом на боку – в глубине. Придет какая-нибудь хозяйка за продуктами – сунешь ей два-три хороших для вида, а еще парочку поплоче. Так всё и сбагришь.

Впрочем, как раз этого-то бедняге Бонацио не дано. Поставь его к прилавку – будет подавать только то, что просят. Постоянные клиентки давно уже этого простофилю раскусили. Как завидят – тут же к нему и давай командовать. Этого мне, дескать, получше, да этого покрупнее, да чтоб без гнильцы, да самого спелого. А Бонацио знай себе хлопает своими белесыми, как у коровы, ресницами да смущенно кивает. Да уж, нет в младшем индюшонке торговой жилки...

– Тебя Матео искал. Говорит, ты ему обещал чего-то. Только что заходил. Ты его не видел?

– Нет, – отмахнулся Барт. – Надо будет – еще зайдет.

Он уселся на край прилавка и легонько, самыми кончиками пальцев, пробежался по струнам захваченной из комнаты лютни. Инструмент старый, капризный, так что настраивать его приходится каждый раз перед игрой. Впрочем, Барта это ничуть не огорчает. Музыку он всегда любил, и играл, по его мнению, достаточно сносно, хотя и был полнейшим самоучкой. Помнится, в детстве мечтал стать бардом и путешествовать через пустоши от города к городу, слагая баллады и выступая в уютных тавернах. А еще лучше – в залах каких-нибудь знатных господ.

Одна незадача – если кое-какие способности к музыке у Барта имеются, то вот таланта стихосложения, по злой иронии судьбы, не наблюдается вовсе. Во всяком случае, те две с половиной баллады, что он успел сочинить, дались ему с превеликим трудом. А должного впечат-

ления на слушателей и – что самое обидное – на слушательниц не производят. Что же это за бард, если от его пения девицы не начинают вздыхать и смахивать слезы платочками, а глаза их не горят восхищением и обожанием? Ерунда, а не бард.

К тому же у барда должны быть длинные волнистые волосы – белокурые, золотистые или, на худой конец, черные как смоль. Еще не помешают выразительные голубые глаза, тонкие подкрученные усики и, самое главное – томный, чарующий голос. У Барта же волосы рыжеватые, жесткие, как леска, да еще торчат на затылке, как перья в головных уборах дикарей с Архипелага. Усы пока растут плохо, глаза и голос вполне обыкновенные... В общем, приходится юному Твинклдоту добиваться девичьего расположения другими, гораздо более сложными путями, нежели музыка.

Но сейчас, когда пальцы будто бы сами собой порхают над струнами, извлекая из инструмента медленную и до невозможности печальную мелодию, мысли Барта заняты вовсе не противоположным полом. Задуматься и без того есть над чем. Перед глазами до сих пор стоит жуткий незнакомец в черном, в ушах не стихает предсмертный хрип старого Дабера... О, Аранос-хранитель, может, все это ему приснилось?

Но нет, не приснилось. К превеликому сожалению. Как не приснилось и то, что кошелек со всеми его сбережениями и деньгами, оставленными дядей для закупки бобов, остался либо в лавке Хорька, либо лежит на дне морском или где-нибудь на улочках портового района В последнем случае, впрочем, долго он не залежится.

Дуду – так зовут фермера, у которого дядя Дон закупает бобы – обещал приготовить товар послезавтра. Так что с утра Барт, оставив лавку на попечение Бонацио, должен будет отправиться за город. Осталось неполных два дня, чтобы вернуть деньги. Но где их раздобыть?

Пока вариант только один – то самое порченное кольцо, что он забрал из лавки Дабера.

Игнис... Барт ничего толком не знал об игнисе, вживую-то видел всего пару раз. Это на западе, возле Рэдрана, его пруд пруди. Говорят, первые годы после образования Разлома красной порчи было так много, что она вилась в воздухе, время от времени выпадая кроваво-красными дождями. Игнис, как кислота, въедается во что угодно – в камень, в металл, в стекло, в дерево. Действует он при этом совершенно непредсказуемо. Иногда от него железо становится вязким и тягучим, как глина, или наоборот, хрупким, как утренний лед на лужах. Живых существ он чаще всего уродует, иногда до неузнаваемости.

Впрочем, это все старые предания. Воздействие игниса было сильно только первые десятилетия. Во времена Черной зимы он косил немногочисленных выживших наряду с холодом и голодом. Но, однажды слившись с каким-то предметом, он уже становился неопасен.

Но это кольцо... Это не просто вещь, оскверненная красной порчей. Руны на нём НАПИСАНЫ игнисом. Барт и представить себе не мог, что такое бывает.

Может, сдать его валорцам? Если уж они охотятся за любыми вещами, отмеченными красной порчей, то уж на эту штуку накинутся, как ястребы. Может, даже какое-нибудь вознаграждение отвалят?

Ага, держи карман шире! Замордуют допросами – откуда взял. А если даже и расщедятся на награду – то уж точно не на семь сотен лир.

А если пойти не в канцелярию, а к жрецам Араноса? Нет, туда точно не стоит соваться. Власти у аранитов с каждым годом все больше, а на расправу они еще свирепее, чем валорские гвардейцы. Особенно когда дело касается всяческого колдовства и ереси. Попасться с этим кольцом жрецам – наверное, еще хуже, чем с полными карманами скумы или пороха. Верный путь на виселицу. Хуже, пожалуй, разве что быть обвиненным в связи с повстанцами Балтазара, что засели в пустошах и все еще пытаются свергнуть императора Валора и вернуть независимость городам-государствам. За это, говорят, четвертуют. В Валемире, правда, повстанцев давненько не бывало – их оттеснили далеко на запад, к самому Разлому.

Эх, угораздило его подобрать в лавке Дабера именно эту проклятую хреновину! Ведь там полно было всякого безобидного серебра!

Барт от досады сбился с мелодии и слишком сильно дернул струну. Лютня жалобно задрезжала.

– Папа ведь запретил тебе играть в торговом зале, – проворчал Бонацио, оторвавшись от своего занятия. – Кто клиентов обслуживать будет?

– Ты видишь хоть одного клиента? – парировал Барт. – К тому же, не забывай – это *меня* дядя Дон оставил за старшего. Так что давай, раскладывай свои яблоки.

Толстяк обиженно засопел – кузен задел его за живое. Решение папеньки оставить лавку на попечение Барту, который с самого детства только и делает, что шкодит, а не ему, всему из себя послушному и правильному, явно не укладывается в его голове. Мировоззрение Бонацио в эти дни дало глубокую трещину.

Барт вернулся к игре, а заодно и к своим размышлениям.

Стоп! А что, если просто расплавить кольцо? Оно здоровенное – почти браслет. Скорее всего было навершием какого-нибудь посоха. Из него выйдет кусок чистого золота размером в половину ладони. А может, и от игниса удастся избавиться!

Юноша оживился, и мелодия, которую он играл, тоже стала заметно веселее.

Точно! Как же он раньше не догадался! Золото можно будет отнести ближайшему ростовщику, известному симпатичным прозвищем Живодер. Даже учитывая его живодерские расценки, вырученного должно хватить на то, чтобы с лихвой вернуть потерянное.

Вот только как его расплавить? Знакомых кузнецов или ювелиров у Барта не имеется. А если бы и были – ведь пришлось бы делиться. Ну, а связываться с незнакомыми – лишний риск того, что тебя сдадут стражникам или жрецам. Вот как раз за доносы те вознаграждают вполне исправно.

Что ж, придется пробовать самому. Даже если не удастся полностью расплавить кольцо, то хоть вид его можно будет изменить до неузнаваемости. И тогда легче будет потом сбыть его ювелиру.

Все-таки не так уж все плохо. Может, и не зря он наведлся этим утром к старому Даберу. Эх, если бы еще кошелек не потерял...

Тренькнул бронзовый колокольчик, подвешенный над дверью. А вот и первые покупатели. Барт вздохнул. Похоже, с музыкой и правда пора завязывать. Впереди – долгий и невыразимо скучный день за прилавком...

... который показался ему вдвойне тягостным из-за постоянного ожидания. Барт и рад бы был отвлечься от мыслей, однако день, как назло, выдался не очень богатым на покупателей, да и те в основном шли к Бонацио. Так что юноша остался один на один со своими опасениями и воспоминаниями об утренней переделке.

Вечеру, казалось, тоже не будет конца. Барт долго ворочался на койке в своей каморке, прислушиваясь к звукам, доносящимся с нижнего этажа и с улицы. Было уже темно, но в доме Твинклдотов ложатся поздно. Хорошо хоть самого дядюшки нет – тот мог и до полуночи корпеть над своими амбарными книгами.

Наконец, уверившись, что все крепко заснуло, Барт отбросил одеяло. Лежал он одетым, так что, достав из-под тюфяка зловещее кольцо, сразу отправился вниз, на кухню. Только там, в большом очаге, можно было надеяться оплавить эту штуковину – даже ночью там было полно горячих углей.

Проклинаая, на чем свет стоит, скрипучие ступени и половицы (раньше и не замечал, что они такие шумные), Барт почти на ощупь пробрался во владения толстухи Мэм.

Очаг действительно был еще полон углей, освещающих часть комнаты не хуже свеч. Барт присел, с сомнением заглядывая в топку. Подбросил щедрую порцию угля, стал дожидаться, пока он разгорится.

Сидеть рядом с очагом было жарко, и он отодвинулся подальше. Достал кольцо, в очередной раз поглядел на угловатые руны. Эх, главное – с углем не переборщить! Кольцо должно основательно оплавиться, но не потечь.

Решил начать постепенно. Подцепил кольцо кочергой и аккуратно поместил его в самую середину пламенеющей кучи.

– Та-ак... Осторожненько... Потихонечку... – беззвучно лепетал он одними губами, подбадривая себя. Под аккомпанемент гулко колотящегося сердца стал наблюдать.

Кольцо быстро почернело. Обгорело? Барт потянул было кочергу назад, но потом заметил на черном фоне красноватый проблеск отблеск. Та-ак... Руны! Снова проявились – яркие, багровые, как раскаленная лава. Запульсировали – сначала медленно, потом все быстрее....

Проклятье!! Ну почему бы этой штуке просто не начать плавиться?!

Вдруг заскрипели половицы у лестницы. Тяжелые неспешные шаги. Мэм! Барт дернулся, и кольцо соскользнуло с кочерги. Хлопнулось прямо в огонь, подняв целый сноп искр.

Барт зашипел, как рассерженный кот, бормоча под нос такие грязные ругательства, что и портовые грузчики застыли бы в изумлении. Принялся ворошить кочергой угли, пытаясь выудить кольцо.

Шаги приближались. Точно, это Мэм! Идет сюда!!

Барта едва не разорвало пополам от двух противоположных порывов – броситься вон из кухни или же попытаться выхватить кольцо из очага. Он в ужасе засеменил на одном месте, как загнанная в угол курица.

Это промедление едва не стоило ему жизни.

В очаге вдруг жахнуло так, будто туда бросили целый картуз пороха. Угли разметало по всей кухне. Несколько из них больно ужалили Барта по ногам, насквозь прожигая штаны. Пламя в камине, которое после взрыва вроде бы должно было лишиться своего источника – наоборот, вздыбилось единой волной, выплеснулось за пределы очага.

Бросаясь наутек в дальний конец кухни, к дверям черного хода, Барт еще успел расслышать испуганные женские крики.

А когда оглянулся, то вовсе забыл обо всем на свете. Замер, явственно ощущая, как нечто будто бы схватило его за кожу на затылке и потянуло так, что брови, волосы, и даже уши зашевелились, поползли вверх, а челюсть, наоборот, бессильно ухнула вниз. И было из-за чего.

Из очага, медленно протискиваясь сквозь узкий проход, выползало сотканное из пламени щупальце. Вернее – червь с широко разинутой пастью, окаймленной длинными языками пламени. Гул огня все нарастал, сквозь него едва пробивались крики Мэм и возгласы со второго этажа – там, видно, тоже все проснулись. Немудрено – бесплотный огненный дух ревел, как бешеный бык, силясь выбраться из очага.

Бесплотный ли? Приглядевшись, Барт с ужасом увидел, как края топки, обложенные полированным камнем, трескаются, выпирают наружу под напором вполне осязаемого тела. Да и очертания чудовища, поначалу едва угадываемые в пламени, постепенно становятся все отчетливее.

Оцепенев от ужаса, Барт задержался на пороге. Успел разглядеть все в подробностях – до каждого уголька, тлеющего на деревянных половицах, до каждого язычка пламени, пляшущего на боках червя, до каждой струйки дыма, поднимающейся от уже вовсю горящих предметов мебели. Картина эта врезалась в мозг, будто раскаленное добела клеймо.

Под грохот обвалившегося камина и треск ломающихся потолочных балок он вывалился на задний двор. Пробежал по инерции на другую сторону, с размаху встретив ладонями стену склада.

Пламя охватило весь дом неожиданно быстро, будто стены были заранее пропитаны горючим раствором. Жадные огненные языки вырывались из окон второго этажа, отдельные сполохи возникали даже на крыше. Мелькнула мысль о пожитках, которые остались там, в его комнатке на чердаке. Одежда. Лютня. Перечитанная много раз книга про Архипелаг, на которую он копил многие месяцы...

Барт тут же ужаснулся этим мыслям. Там, в огненной западне, гибнет вся его семья, а он думает о каких-то шмотках!

Может, кому-нибудь все же удастся спастись?

Из окна кухни вырвался сноп пламени, мгновенно превратился в огненного червя. Он успел вырасти по меньшей мере втрое, будто подпитываясь от бушующего вовсю пожара. Чудовище взвилось на дыбы, как рассерженная кобра, поводило в стороны безглазой мордой.

Да ведь чудищу нужен он, Барт! Оно его высматривает! Эта мысль подействовала на юношу как удар хлыста. Он опрометью бросился прочь от горящего дома, понесся, не разбирая дороги, сквозь ночь.

Что же он наделал? Что же он наделал?!

3

Год 237-й от Разлома. Где-то на южном побережье

Когда ты молод, дерзок и еще не успел получить от судьбы пару увесистых затрещин, жизнь кажется этакой нескончаемой портовой ярмаркой. Все испытания в ней сводятся к лазанью по скользкому столбу за сапогами или метанию жестких войлочных мячей в фанерные мишени. Ты по-хозяйски расхаживаешь между рядами, побрякивая серебром и медью в потертом кошелье и примеряясь, какое из испытаний тебе под силу. Не хочется ведь выставять себя на посмешище, да и денег попусту лишаться – тоже.

И даже если ты последний голодранец, и монет в твоём кармане едва ли хватит на пару печеных яблок, легко расхаживать по этой ярмарке, торгуясь почем зря с лоточниками, подмигивая молоденьким торговкам сладостями и чувствуя себя хозяином жизни. До поры, до времени. Пока, наконец, нечто не ткнет тебя носом в грязную и жесткую, как булыжная мостовая, действительность.

И вот ты уже чумазый, голодный и без гроша в кармане скорчился в вонючем закутке под палубой, в котором хранятся запасные снасти, и только и ждешь, что кто-нибудь из матросов вытащит тебя оттуда за шкуру, как паршивого котенка. Юный Твинклдот провел в этом томительном ожидании много часов, пока усталость не взяла своё.

Так и прошла ночь – из тех, что скорее изматывают, нежели дают отдых. Барт завис на зыбкой грани между сном и бодрствованием, не чуя жестких канатных витков, служивших ему ложем, но чутко ловя каждый скрип утлого суденышка, каждый вздох ветра за бортом, каждый всплеск волн. Воздух в крохотном чулане, где он нашел прибежище, насквозь пропитан запахом рыбы и прелой древесины – впрочем, как и везде на корабле. Доски палубы над головой то и дело скрипят под тяжелыми размашистыми шагами матросов, временами можно расслышать чьи-то отрывистые окрики, состоящие в основном из ругательств.

Эх, выбрать бы для побега более солидную посудину. Но, как назло, той ночью это был единственный корабль, собирающийся отчаливать. А Барту было мало просто спрятаться. Он хотел бежать, бежать как можно дальше.

Судя по тому, как изрядно болтает шхуну, они уже покинули тихую бухту Валемира. То, что корабль в открытом море, должно было обрадовать Барта – теперь, даже если его и найдут, уже не страшно. Сойдет в ближайшем порту. Не выбросят же его за борт, в конце концов.

Хотя, даже последний вариант Барта бы не огорчил. Стыд, ужас и чувство вины пожирали его изнутри. Скорчившись в три погибели на бухтах толстого троса, он мелко дрожал и почти безостановочно плакал. Сказать, что ему было плохо – все равно, что сказать, что повешенному вдруг стало трудно дышать.

Трудно, невыносимо трудно в семнадцать лет осознавать, что жизнь кончена. Что ты остался один на целом свете, собственноручно погубив собственную семью. Что сказали бы ему дядя и кузены, вернувшись из недолгого плаванья к обугленным останкам особняка и свежим могилам родных? И что сказал бы им он? Смог бы взглянуть им в глаза?!

Нет, пусть уж и его считают погибшим. Он никогда больше не вернется в Валемир! Или вернется только когда искупит свою вину. Хотя, чем её можно искупить?

Пожалуй, если бы он и вправду сейчас умер, это принесло бы ему только облегчение.

Однако судьба, похоже, не собиралась преподносить ему такой подарок, так что пришлось задуматься, что делать дальше.

Как ни странно, голода Барт почти не чувствовал, лишь слабость и легкую тошноту. А вот что давало о себе знать в первую очередь – так это жажда. Одновременно с этим организм требовал и избавиться от ненужных жидкостей.

Юноша прислушался. Наверху царило заметное оживление – матросы топотали по палубе туда-сюда, оживленно переговариваясь. Судно заметно кренилось на левый борт, видимо, разворачиваясь.

Проблему с переполненным мочевым пузырем Барт, отбросив сантименты, решил прямо в чулане, рассудив, что здесь все равно сыро и пахнет не ахти. Затем немного размялся – насколько это позволяли размеры его убежища. Сучил ногами и руками, напрягал их, будто пытаясь раздвинуть стенки своего чулана. Одеревеневшие от долгой неподвижности конечности начали понемногу отходить. Вскоре Барт основательно запыхался. Зато и согрелся немного.

Снова прислушался к доносящейся снаружи перекличке матросни. Судя по отдельным выкрикам, которые удалось расслышать вполне явственно, судно готовилось причалить к берегу. Недолгим вышло плавание – чуть больше суток.

– Пожалуй, оно и к лучшему, – шепотом рассудил юноша. – Сыт я по горло этим корытом!

Встав на корточки, он уперся головой в дверцу чулана – она была наклонной, даже не дверца, а скорее крышка, как у большого короба. Да, собственно, закуток этот и отличался от короба только тем, что его нельзя было сдвинуть с места, поскольку задней стенкой ему служил левый борт судна, а верхней – палуба.

Барт осторожно выглянул наружу. Чулан располагался в самом углу кубрика – пространства между грузовым трюмом и верхней палубой. Здесь, как на любом судне, хранился сухой провиант – кули с мукой, крупой и овощами, бочонки с пресной водой. Тут же был сложен и весь скарб кока – котлы, чарки, весы.

Здесь сейчас темно – свет проникает только из приоткрытого люка, ведущего на палубу. Но Барт достаточно просидел в потемках, чтобы глаза успели привыкнуть и к такому освещению.

– Вроде бы никого, – прошептал он, подбадривая сам себя. Высунул голову наружу, заглядывая на противоположный край прохода, идущего через весь кубрик. Там, как он заметил еще когда пробирался на корабль, располагаются каюты – одна большая, для команды, и несколько поменьше.

Не разглядев ничего подозрительного и там, юноша выбрался из своего укрытия. Ослабевшие ноги так и норовили подогнуться, чему способствовала и неслабая качка. Барт, вихляя, как перепивший сапожник, и хватаясь за что ни попадя, чтобы удержать равновесие, кое-как пробрался на противоположный край кубрика. По пути, впрочем, успел пошарить в мешках с припасами. Наиболее свежими оказались яблоки, загруженные, похоже, в Валемире. Тщательно протерев парочку рукавом рубахи, Барт тут же сжевал их вместе с косточками, не обращая внимания на червоточины и помятые бока.

– Да уж, яблоки на голодный желудок – не самая лучшая идея, – проворчал он под нос, чувствуя, как заурчало в животе.

Но искать еще что-то не было ни времени, ни желания. Он и так уже умудрился опрокинуть мешок с капустой, две большие кастрюли и целую кучу какой-то мелкой утвари. Шуму было столько, что Барт мгновенно покрылся холодным потом, ожидая, что вот-вот сюда спустится кто-нибудь из команды – посмотреть, в чем дело.

Он миновал общую каюту для матросов. Дальше, сразу за переборкой, оказалась лестница, ведущая к люку, что располагается в центральной части палубы. За лестницей – поперечный, от борта до борта, проход с четырьмя дверями – кают и чуланов. Каютка капитана и некоторые другие помещения располагаются еще ближе к корме, на юте, и пробраться туда можно только через палубу. Впрочем, Барт туда и не собирался.

Он прошмыгнул мимо лестницы и свернул налево. Там обнаружилось небольшое закрываемое плотной ставней оконце, через которое Барт, собственно, и проник на корабль в Валемире.

Повозившись с тугой защелкой, Барт приоткрыл иллюминатор и сразу же увидел приближающуюся полосу каменистого берега – серого и унылого, без единого зеленого пятна. У длинного потрепанного причала сиротливо ютилась пара рыбацких лодок со спущенными парусами. Чуть в стороне можно было разглядеть небольшой поселок, наполовину скрытый скалами. Еще одна лодка медленно шла на веслах совсем рядом со шхуной, и один из рыбаков, выпрямившись на корме и сложив руки рупором, что-то кричал, похоже, отвечая на вопрос со шхуны.

Громко загремела якорная цепь, и до Барта донесся тяжелый всплеск. Та-ак. Стало быть, ближе подходить к берегу не будут. Как же выбраться-то? Видно, придется искупаться...

Барт поежился от одной мысли о холодной морской воде и огляделся. Пора было что-то решать, пока его не застучали. Вот только что ему делать на берегу? Карманы пусты, как и желудок, и пока что не предвидится возможности наполнить ни то, ни другое. Разве что прихватить что-нибудь с корабля. Только что? Не ржавую же утварь! Вернуться в кубрик и пошарить в вещах матросов?

Барт еще сильнее поежился – уже от мысли, что с ним будет, если кто-нибудь спустится-таки сюда и застучает его за столь неблагоприятным занятием. Нет, туда лучше не соваться.

Барт проверил ближайшие двери. За первой оказался чулан, подобный тому, в котором он провел последние сутки – забитый всяким хламом. За второй – маленькая каюта с деревянными нарами вместо койки, абсолютно пустая. За третьей – еще одна, такая же...

О! А здесь, похоже, кто-то живет! Барт сразу заметил два больших дорожных мешка, выглядывающие из-под накрытой соломенным тюфяком койки. Он замер на пороге, чувствуя, что цепенеет, а колени начинают предательски подгибаться.

– Смелее, смелее! – подбодрил он сам себя. – Чего развел нюни! Времени мало!

Будто получив пинка под зад, он заскочил в каюту и вытянул из-под койки ближайший мешок. Впился ногтями в тугой узел.

«Ну вот, ты уже и вор!» – мелькнула запоздалая мысль, но Барт отогнал её. Да, вор. По сравнению с тем, что он натворил прошлой ночью, это так, мелкие шалости. Как же низко ты пал, Бартоломео Твинклдот!

Запасная одежда, дорожная чернильница с плотно завинчивающейся крышкой, увесистая книга в черном переплете, куча каких-то бумаг, продолговатый тяжелый сверток, туго перемотанный бечевкой. Кошелек нет.

Барт только было взялся за второй мешок, как снаружи громко скрипнул открываемый люк и раздались тяжелые шаги на лестнице.

Сердце его скакнуло к самому кадыку и замерло. Барт тоже словно окоченел, стоя на коленях и вцепившись в узел второго мешка.

– Да, это Вальбо, дон. Как и договаривались.

– Наконец-то. К счастью, путешествие оказалось недолгим. Это не корабль, а вонючий клоповник!

Услышав этот голос, Барт поначалу не поверил своим ушам. Он слишком часто вспоминал ту сцену в лавке Хорька, пока лежал в чулане, и воображение, похоже, сыграло с ним злую шутку. Нет, этого не может быть. Только не это! Только не...

– Ну, дык... Не привыкли мы благородных господарей перевозить, – с заметной обидой прогудел капитан. – И я не виноват, что раньше не получилось отплыть. Нужно же было починиться. А шлюпку вам сейчас приготовят. Прислать кого-нибудь, чтобы помог вещи погрузить?

– Сам справлюсь.

– Ну, как знаете, дон. Если что – я буду на юте.

– Поторопись со шлюпкой, капитан!

Барт едва не взвыл. Это точно он. Его голос! Верзила в черном балахоне из лавки Дабера!!

Барт, наконец, вышел из оцепенения и бросился вон из комнаты. Но, едва показавшись на пороге, тут же отпрянул назад. Черный, все в том же балахоне с глухим капюшоном, стоял на лестнице, спиной к нему. А вот говоривший с ним верзила в потрепанном кожаном и помятой шапке-треуголке, похоже, заметил движение в трюме и настороженно вытянул шею.

– Что за пакость? Погодите-ка, дон...

Следующие мгновения растянулись для Барта на целую вечность. Впрочем, надо отдать юноше должное – в критические моменты он умел действовать четко и не поддаваться панике.

Он подхватил с пола найденный сверток – в нем могло оказаться что-нибудь ценное. Хотя, в общем-то, выбор у Барта был невелик. Не кальсоны же ношенные с собой уносить! Присел на корточки и, когда на пороге появился капитан, шукой нырнул между его широко расставленными ногами. Оказавшись у него за спиной, резко выпрямился, подтолкнув капитана под зад, да так, что тот не удержался на ногах.

Опрометью бросился по проходу к приоткрытому оконцу – пользоваться лестницей и, таким образом, столкнуться с Черным, ему вовсе не хотелось. Одно резкое движение – и ставня, прикрывающая оконце, распахнута настежь. Крепко зажав в зубах уворованный сверток, Барт с ловкостью, о которой в обычной ситуации и мечтать не мог, одним махом протолкнул себя в узкое окно – спиной вперед, ухватившись за верхнюю кромку. Подтянул ноги, оперся правой о нижний край оконца, готовясь оттолкнуться и прыгнуть в воду.

Но тут в левую лодыжку впились чьи-то цепкие, как клещи, пальцы.

Барт заорал – точнее, замычал, все еще стискивая зубами добычу – и отчаянно взбрыкнул, отталкиваясь от борта. Оставив в руках преследователя свой левый башмак, неуклюже шлепнулся в воду. Вверх взмыла целая туча брызг, будто за борт бросили бомбу.

Расслабившись, Барт некоторое время медленно шел ко дну. Подождав, пока мимо проплывет обросший ракушками борт, поднырнул под килем и вынырнул с другой стороны корабля, стараясь всплывать медленно и у самого борта, хотя легкие едва не разрывались от нехватки воздуха.

Вынырнув, перехватил сверток в руку и некоторое время глубоко дышал, прислушиваясь к крикам, доносящимся сверху. Хотя пока никто не свешивается с бортов, высматривая беглеца – это лишь дело времени. Сейчас Черный проверит свою каюту, обнаружит пропажу, они с капитаном выскочат на палубу...

– Шлюпки на воду!! – донесся до него истошный крик.

– Ну, все... – досадливо прошептал Барт, злясь на себя и на свою неуклюжесть. Вот выбрался бы он из своего чулана минутой раньше – и успел бы покинуть корабль незамеченным!

Он несколько раз широко вздохнул, готовясь нырнуть. Вот только куда податься?

Об этом он задумался уже под водой. Над головой маячит силуэт корабельного корпуса. До берега довольно далеко, и вряд ли он успеет добраться до него вплавь – догонят на шлюпке и вытащат на борт за шкурку, как нашкодившего котенка. Если торчать рядом с кораблем – заметят с палубы.

Находясь на поверхности, он успел заметить в полусотне метров от корабля точащие из воды верхушки рифов. Недолго думая (тем более, что в его ситуации долго думать вообще было вредно), Барт оттолкнулся обеими ногами от борта и поплыл туда, в противоположную от берега сторону. Оставалось надеяться, что преследователи меньше всего ожидают от него чего-то подобного.

Плыл он, пока в глазах не потемнело, явно побивая все собственные рекорды, и к поверхности рванулся только тогда, когда желание вдохнуть – пусть даже и воду вместо воздуха – стало непереносимым. У поверхности перевернулся на спину, лицом к кораблю, и, не переставая загребать руками, несколько раз хватанул смешанного с солеными брызгами воздуха.

Снова ушел под воду, и снова плыл, пока хватило сил. До рифов он добрался за несколько приемов. Затем выбрал место, где выпирающие из воды камни надежно заслоняли его от корабля.

Сверток жутко мешался, но Барту хватило упрямства не бросить добычу, из-за которой он столько рисковал. Добравшись до относительно безопасного места, он воткнул узел в щель между камней, а сам, держа над поверхностью воды только голову, добрые пару минут жадно дышал, стараясь успокоить бешено колотившееся сердце.

Если его заметили в те разы, когда он выныривал, то к рифам уже плывет шлюпка с Черным на борту. Если нет... Барт, вытянув шею, огляделся.

Бухта – подковообразной формы, довольно обширная, но вход в нее на добрые две трети перегораживают эти самые рифы – целый лес разнокалиберных скал, некоторые едва выглядывают из воды, некоторые вздымаются на высоту человеческого роста, а то и выше. Пожалуй, местами проплыть здесь сложновато не только кораблю, но и лодке. Если попробовать плыть, держась под прикрытием крупных скал... Добраться до дальнего края бухты... Пожалуй, можно попробовать, если, конечно, это еще имеет смысл. Чем дальше от корабля – тем меньше шансов, что его заметят. Барт глубоко вздохнул три раза подряд и, подхватив сверток, снова ушел под воду.

Эх, только бы силенок хватило...

4

Солнце, весь день прятавшееся за пеленой серых, как нестиранные портянки, туч, соизволило-таки показаться. Небо будто бы сжалилось над измученным промокшим беглецом, распластавшимся на плоской скале, как кальмар на сковородке.

Поймав первые лучи, Барт прищурился, повернул голову набок. Потом, собравшись с силами, приподнялся на локте и глянул наверх. Прореха в облачном покрывале была изрядная, так что можно было надеяться на то, что светило не спрячется еще довольно долго. Хвала Араносу!

Барт стянул мокрую рубаху, жилет и штаны и разложил их на скале сушиться. Сам тоже распластался лицом вверх и закрыл глаза. Его била мелкая противная дрожь – не столько от холода, сколько от усталости.

А ведь хватило все-таки силенок-то! И с корабля его, как видно, не заметили. Выскользнул, извернулся, ушел!

Хотя, чего уж там. Не лести себе, Бартоломею. Просто повезло. Ты действительно Счастливчик, хотя в свете событий последних дней это прозвище и звучит как издевательство.

Барт довольно долго лежал на солнце, но все никак не мог согреться. Он понимал, что нужно бы встать, хорошенько размяться, разогнать кровь по жилам. А еще лучше – выпить стакан горячего грога. Вот только сил на упражнения уже не осталось, а за горячий грог, вкупе с горячим же ужином, юноша готов был отдать что угодно. Ирония в том, что отдавать-то ему особо нечего. Ботинки – и те потерял.

Остается, конечно, сверток из грубой телячьей кожи, туго перемотанный просмоленной бечевкой. Добыча, из-за которой он едва не попался. Хорошо бы, если это оказался, скажем, набор столового серебра. Это серебро можно будет сбавить в ближайшем поселке, чтобы, наконец, купить себе чего-нибудь поесть. Иначе, того и гляди, еще одним Твинклдотом на земле станет меньше.

Окончательно озябнув, Барт натянул не успевшую полностью высохнуть одежду, уселся на камне, обхватив себя руками и подставив спину солнцу. То, будто бы издеваясь, снова нырнуло в рыхлую пелену туч, и на камни упало несколько крупных, как фасолины, капель.

– Только этого не хватало! – в сердцах прошипел Барт. Судьба, видно, продолжает испытывать его на прочность.

К счастью, небольшую горизонтальную расселину в скале он заметил раньше, чем одежда успела снова промокнуть насквозь. Расселина оказалась неглубокой и очень низкой – в потолок можно было упереться, даже стоя на четвереньках. Но от дождя и ветра защищала отлично.

Понаблюдав за морозящим снаружи дождем, Барт, наконец, принялся развязывать узлы на свертке.

– Посмотрим... – вполголоса бормотал он. Привычка разговаривать с самим собой проявлялась все настойчивее.

Наконец, он справился с бечевкой, осторожно развернул толстую кожу.

– Нет, ну это ж надо... Аранос, хранитель всего сущего, ну за что мне все это, а?

На грубой пористой коже красовался отпечаток огромной ладони, причем было до жути похоже, что это засохшая кровь. Внутри свертка лежало несколько предметов, и от каждого так и веяло неприятностями. Зловещего вида кинжал – узкий, изогнутый, с темным вороненым клинком. Ножны для него – из черной кожи с серебряными клепками. Несколько восьмиугольных блях размером с пряжку для ремня. Из серебристого металла, сплошь покрытые уже знакомыми Барту угловатыми рунами, начертанными игнисом, с крупными красными камнями в центре. Юноша сначала обрадовался, приняв их за рубины. Но, приглядевшись, понял, что

это все тот же игнис. Такого ему видеть еще не приходилось – сгустки были чистейшие, полупрозрачные, и размером с ноготь.

И, наконец, та самая штука, которую Чёрный рассматривал у Дабера. Теперь, вблизи, выяснилось, что это искусно выполненная фигурка свернувшейся в кольцо сколопендры. Сделана из темного, почти черного металла. Вдоль всего хребта – будто россыпь гранатовых зерен. Снова игнис. И снова – обработанный, упорядоченный, а не просто въевшийся в металл, как ржавчина.

Барт еле удержался от того, чтобы тут же не вытряхнуть весь этот скарб наружу, под дождь. Слишком живы были в памяти последствия эксперимента с кольцом. Но потом, по мере того, как он пристальнее приглядывался к жутковатым сокровищам, желание избавиться от них понемногу ушло.

Сначала его внимание привлек кинжал. Рукоятка, сделанная, похоже, из цельного куска оникса, легла в ладонь легко и непринужденно, и оружие сразу сделалось естественным продолжением руки. Барт невольно залюбовался хищной красотой причудливо изогнутого клинка. Лезвие кинжала было волнистым и, если развернуть его к себе, можно было увидеть, что заточка шла с развалом, как у пилы. Барта невольно передернуло, стоило лишь представить рану, нанесенную таким лезвием. Попробовать его на остроту он не решился – и на вид-то – острее дядюшкиной бритвы.

Как ни странно, разглядывая кинжал, юноша несколько воспрял духом. Оружие давало ощущение силы и безопасности, прибавляло уверенности в себе. Хотя пользоваться кинжалом в серьезной стычке Счастливчику не доводилось. Может, как раз в этом все дело?

Остальные предметы... Опасность, таящаяся в них, только подогревала любопытство, манила, как спелые яблоки за забором злого соседа. Одно плохо – пользы от этих зловещих причиндалов сейчас никакой. Их даже не обменяешь на еду – любой рыбак в поселке шарахнется от подобного мракобесия, как от огня. Да-а, покупателя найти будет непросто...

– Клянусь Араносом-хранителем, лучше бы это было столовое серебро, – пробормотал Барт, засовывая ножны с кинжалом за пояс – так чтобы была видна только рукоятка, да и ту прикрыл жилеткой. Восьмиугольные бляхи и сколопендру снова тщательно упаковал в сверток, перетянул бечевкой и спрятал за пазуху. Одну из блях оставил. Еще раз придирчиво осмотрев со всех сторон, сунул в карман. Похожа на серебряную. Может, все-таки удастся выменять на что-нибудь.

Дождь снаружи явно испытывал его терпение – то почти прекращался, то вдруг обрушивался на камни с новой силой, вставая сплошной шелестящей пеленой. Ветер, изредка прорывавшийся сквозь дырявую стену скал, мощными шквалами сносил в сторону дождевые струи, так что порой Барта даже не спасало его убежище.

Когда небесные резервуары все же иссякли, и вместо дождя вниз полились яркие солнечные лучи, юный Твинклдот сначала не поверил своему счастью. Однако, выглянув наружу, убедился, что его вынужденное заточение действительно подошло к концу. На небе, будто бы в ознаменование этого события, воцарилась шикарная радуга – широченная, как Валемирский тракт.

Барт двинулся в путь – без особой цели, просто стараясь забраться подальше от побережья. Рыбацкий поселок, который он успел заметить со шхуны, находился в полулиге к западу – если Счастливчик, конечно, не разучился ориентироваться на местности. И называется этот поселок Вальбо – опять-таки, если Барту не изменяет слух, а капитану шхуны – память. О Вальбо упоминал в то памятное утро и старый Дабер. И именно туда направится и Черный – это-то, как любит говаривать Индюк, поймет даже тот, у кого вместо головы – выеденная мышами тыква.

Вспомнив о дяде, Барт еще больше помрачнел. Перед глазами снова встал пожираемый пламенем особняк, который он всю сознательную жизнь называл своим домом. Да, это был

далеко не отчий дом – дядюшка Донателло всегда был, мягко говоря, бережливым, особенно когда дело касалось племянника. Барт все детство щеголял в обносках, остававшихся от кузенов, и обретался в крохотной комнатке на чердаке. Но другого дома он не знал, точнее – не помнил. И Индюк, пусть и бывал с ним подчас излишне строг, все же заменил ему отца. И наверняка любил его. В конце концов, доверил лавку на время своего отсутствия! А он...

Кошки, отчаянно скребущиеся на душе, на какое-то время даже отвлекли Барта от мыслей о Черном. Но дела насущные быстро вытеснили из головы дела прошлые.

Идти сейчас в Вальбо было бы самоубийством. Однако Барт очень четко, четче некуда, понимал, что до какого-нибудь другого поселка он уже вряд ли доберется, даже если бы знал, куда идти. Он в жизни еще не бывал в пустошах, но, судя по многочисленным рассказам, одинокий путник здесь долго не протянет, даже если будет держаться трактов. Еще неизвестно, что хуже – нечисть пустошей, или головорезы, промышляющие на дороге.

В общем, выбор невелик. Либо пробраться-таки в Вальбо, чтобы любыми правдами и неправдами добыть хоть немного еды, либо разлечься прямо здесь, на камнях, и потихоньку начинать помирать. Думается, к вечеру как раз бы управился. Барт вовсе не считал себя нытиком, но пара дней голодухи и длительный заплыв в холодной морской воде сломают кого угодно.

Пробираться в поселок лучше всего ночью. Но до темноты еще несколько часов, и это время можно использовать для разведки. А вдруг повезет наткнуться на какую-нибудь стоящую на отшибе лачугу или ферму? Или выйти на большак и встретить там торговый караван? Хотя, какие караваны в такой глуши...

Скалистый берег, наконец, сменился чахлым редколесьем. Идти по жухлой траве и опавшим листьям было куда приятнее, чем по холодным камням, и Барт слегка повеселел. К тому же, размявшись, он наконец избавился от озноба, да и одежда успела почти полностью высохнуть. Пребывание в морской воде не пошло гардеробу на пользу – и штаны, и рубашка, и жилет были порядком измяты и покрылись белесыми соляными разводами.

Он поднялся на холм, на вершине которого одиноко стоял старый наполовину засохший дуб – пожалуй, единственное в округе дерево приличных размеров. Отсюда прекрасно просматривалась вся бухта и окрестности. Барт разглядел серый парус злосчастной шхуны, маячащий у самого горизонта. Похоже, высадив Черного, судно отправилось дальше.

Самого поселка видно не было, но заметны были немногочисленные струйки сизого дыма, причудливо изгибающиеся под действием ветра и постепенно растворяющиеся в высоте. До источника дыма, судя по всему, не больше часа ходу.

– О! – пожалуй, громче, чем следовало бы, воскликнул Барт, за приметив строение, одиноко ютящееся на самом краю рощи, ближе к поселку. Старая, уже несколько покосившаяся лачуга из почерневших от сырости досок, сбоку – обширная пристройка с низкой, крытой дерном крышей. Из трубы над пристройкой валит густой черный дым.

Кузница, судя по всему. Аранос, похоже, наконец-то услышал его молитвы! Барт прибавил было ходу, но по мере того, как приближался к жилью, шаги его становились все медленнее.

Что он скажет? Пустите, люди добрые, я вор, только что сбежавший с корабля? И вид-то у него настолько затрапезный, что...

Барт в очередной раз попытался привести в порядок одежду, но вскоре плюнул на это неблагодарное занятие. Убедился лишь, что кинжал и остальные вещички укрыты надежно. А, была не была!

Из пристройки доносилось звяканье молотка о наковальню – редкое и какое-то вялое, совсем не вяжущееся с ярким солнцем и все еще висящей в небе красавицей-радугой. Больше всего это звяканье напоминало заунывный звон колокола во время похорон.

Барт поежился, но отступать было некуда. Широкая, как ворота, дверь кузни была открыта. Он заглянул внутрь.

У наковальни, вполоборота к выходу, стоял низкорослый кряжистый бородач в испачканной сажей полотняной одежде и длинном кожаном фартуке, испещренном подпалинами. Угрюмый горбоносый профиль четко выделялся на фоне полыхающего багровым заревом горна.

Барта кузнец заметил сразу – его тень пересекла полосу света, падающую на наковальню из приоткрытой двери. Зыкнул бородач так, что Счастливчик с трудом удержался от того, чтобы метнуться прочь от кузни.

– Чего надо?! – рявкнул хозяин так, будто его каждые пять минут отрывали от работы всякие там сбежавшие с корабля юнцы.

– Я... Все боги вам в помощь, дон. Извините, что потревожил вас, но я вынужден обратиться за помощью... – витиевато начал Барт и осекся, увидев, что кузнец, прищурившись и не выпуская из руки молота, затопал к дверям.

Приоткрыв створку пошире, бородач смерил Барта взглядом, который при всем желании нельзя было назвать дружелюбным. Мутные красные глазищи, свежий синяк на левой скуле и стойкий запах перегара говорили о многом.

– Ты откуда взялся, сопляк?

– Я... Мы плыли на корабле, дон. Он... затонул. Напоролись на рифы. Я кое-как выплыл, плутаю уже второй день по берегу. Слава Араносу, нашел вас, и...

– Чего ты несешь? Какой корабль?

– Он, кажется, назывался «Сирена»... Не помню. Мы сели на него в Валемире... В общем, неважно, дон. Важно то, что я голоден, как пёс, и остался без гроша в кармане, – не выдержал Барт. – Если у вас найдется лишняя краюха хлеба или...

– Вон там – поселок, – прервал его кузнец, указывая в сторону Вальбо. – Сходи, может там кто подаст.

– Но, дон...

– Всё, пшел вон! – кузнец развернулся было, но Барт ухватил его за рукав, чем привел в полнейшее бешенство.

Запоздало ужаснувшись собственной дерзости, Барт втянул голову в плечи и, в любой момент ожидая удара, затараторил:

– Прошу вас, дон! Я же говорю – у меня ни гроша в кармане. Поэтому я и подумал, что, коль уж вы кузнец, то, может быть, вас заинтересует хотя бы вот это...

Он, лихорадочно зашарил по карманам и вытащил серебряную бляху.

Увидев в руках Барта изукрашенную письменами штуковину, кузнец резко изменился в лице. Довольно долго он стоял, тупо уставившись на нее, и Счастливчику так и не удалось однозначно истолковать выражение его лица. Во всяком случае, понятно было, что он не в первый раз видит подобное.

Наконец, опомнившись, кузнец схватил Барта за рукав и рывком затянул внутрь кузни. Выглянул наружу, воровато огляделся и захлопнул дверь, запер изнутри на увесистый засов.

– Откуда это у тебя? – гаркнул он, оборачиваясь к Барту.

Тот судорожно сглотнул, попятился было, но наткнулся спиной на наковальню.

– Я тебя спрашиваю, сопля! Ты что, из Красной руки?

– Э-э... – Барт вспомнил кроваво-красный отпечаток ладони на куске кожи, в который были завернуты вещи Черного. – Ну да, а что?

Кузнец недоверчиво прищурился, но заметно смягчился. Плечи его опустились, огромные кулачищи разжались.

– Не врешь? Что-то ты больно молод...

– Мы... Я... Я путешествовал с моим господином. Я его помощник...

Кузнец продолжал буравить Барта подозрительным взглядом, будто чего-то выжидая.

– Сколько хочешь за это?

– Ну... э-э-э... – Барт понял, как себя чувствовал в свое время Хорек Дабер. Очень паршиво обладать чем-то, чему не знаешь цены. – Вы же понимаете, дон, мне сейчас не до выгоды. Мне бы немного денег, чтобы добраться до ближайшего города. Ну, хотя бы сотни две-три...

– У тебя только одна? – бородач кивнул на бляху.

– Ну... да. К сожалению. Эта-то чудом уцелела. Ну, так что, дон? Три сотни?

Кузнец поморщился, что-то прикидывая в уме. Потом паршивейшим образом ухмыльнулся.

– Да, пожалуй, я просто заберу её у тебя. А потом – драпай отседова, и чтоб я тебя больше не видел. Ну, чего уставился? Сам отдашь, или мне тебя потрясти чуток? А может, у тебя еще чего в карманах завалилось?

Он угрожающе попер на Барта, поднимая молот. Тот метнулся вглубь кузни, прячась за наковальню. Бежать было некуда – единственный выход заперт, и к тому же, чтобы пробиться к нему, надо как-то миновать кузнеца.

– Не зли меня, сопляк! Пришибу ведь! – рявкнул кузнец после пары безуспешных попыток схватить Барта. Тот, проявляя чудеса изворотливости, метался по кузнице, бегая вокруг наковальни и груды сваленного на землю железного лома, перепрыгивая через объемистое корыто с водой для закалки и норовя прорваться к выходу.

– Вы об этом еще пожалеете, дон! – дрожащим от досады голосом выпалил Барт.

Бородач, зарывав, швырнул молот, едва не угодив Счастливику в спину. Тот метнулся в сторону, споткнулся о вязанку дров и, кувыркнувшись, брякнулся оземь.

– А!! – торжествующе заорал кузнец, нависая над ним. Барт едва успел развернуться на спину. В руках у него будто сам собой возник кинжал.

Едва не напорвшись на волнистое лезвие, кузнец вдруг отпрянул, будто увидев ядовитую змею. Барт, выставив кинжал перед собой, медленно поднялся.

– Не очень-то это хорошо – встречать подобным образом пришедших к вам за помощью, – процедил он. – Вы меня очень разочаровали, дон...

Он резко дернул рукой, будто собираясь нанести удар. Бородач нервно вскрикнул, отскакивая к стене и не сводя выпученных глаз с острия кинжала.

– Тише, тише, парень! Ты же знаешь, с этими штуками не шутят!

– А я и не шучу. Деньги, быстро!

Бородач злобно оскалился, но, видимо, странный кинжал в руках Барта был для него более чем весомым аргументом.

– Сейчас, сейчас... – он наклонился, зашарил в мешке, стоящем недалеко от выхода. Выудил тощий кошель из дрянной потертой кожи.

– Бросай!

Кошель плюхнулся на землю у самых ног Барта. Тот подобрал его, медленно присев и не спуская глаз с кузнеца.

– А поесть чего-нибудь найдется?

Бородач, что-то пробурчав себе под нос, извлек из мешка краюху хлеба.

– Положи на мешок. Вот так... А теперь – иди туда. Вон туда, в угол.

Угрожая кинжалом, Барт оттеснил хозяина в дальний угол. Потом, прихватив еду, выскочил наружу. Захлопнул дверь, припер снаружи валявшимся рядом обломком оглобли.

Изнутри полился поток отборнейшей брани. Барт лишь сплюнул себе под ноги и впился зубами в черствую, отчетливо отдающую плесенью булку. Заглотал её, давась и кашляя, в один присест. Жаль, запить было нечем.

Проклятье! Что делать-то?! Похоже, идея дожидаться темноты и потом уже пробираться в поселок накрылась медным тазом. Вряд ли этот симпатяга досидит тут до ночи. Вырвется гораздо раньше и бегает от него потом по всей округе. Ну что за невезуха?! Куда теперь податься?

Вопрос этот всё бился в голове Барта, как пойманная птица, а ноги уже сами собой несли его в сторону посёлка.

5

Вальбо оказался в точности таким, каким Барт его и ожидал увидеть – серым, замызганным и насквозь провонявшим рыбой. Единственное, что его удивило – это размеры поселка. Обветшалые кособокие лачуги раскинулись докуда хватало глаз, занимая все пространство, отгороженное от ветров замшелыми скалами. На улицах – если, конечно, эти протоптанные между домами тропинки можно считать улицами – не было брусчатки, так что после дождя здесь шагу нельзя было ступить, чтобы не запачкаться в липкой желтой глине.

Пока он сюда добирался, небо успело снова затянуть тучами, солнце пропало, и все вокруг тонуло в мутном сером сумраке, предвещающем наступление темноты.

– Не дергайся, парень, не дергайся, – беззвучно шевелил губами Барт, шагая по кривым улочкам поселка. Народу ему навстречу попадалось немного – в основном женщины, сплошь костлявые, некрасивые и тоже пропахшие рыбой. На Барта мало кто обращал внимания.

– Не дергайся, – в очередной раз убеждал себя Счастливчик. В конце концов, даже если он столкнется с Черным нос к носу. Вряд ли тот успел толком разглядеть Барта там, на корабле. И тем более вряд ли ждет, что он так вот попросту заявится в поселок.

Таверну Барт приметил сразу – это было единственное на весь поселок двухэтажное строение, к тому же поддерживаемое в относительно пристойном состоянии. На огромной холщовой вывеске, висевшей над входом, как и следовало ожидать, красовалась огромная пучеглазая рыбина. Внизу корявыми буквами и с двумя ошибками было выведено название – «Барракуда».

Поначалу Барт вообще не собирался входить внутрь. Думал поймать на улице какого-нибудь мальчика и дать ему денег, чтобы тот закупил у трактирщика провизии и питьевой воды – столько, чтобы хватило на два-три дня пути. А потом, не мешкая, дать деру отсюда. Но план провалился, так как не попалось никого, кому можно было поручить эту ответственную миссию. Барт попытался было обратиться к одной из рыбачек – сутулой женщине неопределенного возраста, со следами только-только зажившего синяка под левым глазом – но та шарахнулась от него, как от привидения.

В конце концов, мысленно попросив благословения Араноса, Ираны, Кестоса и еще полудюжины богов, которых успел припомнить, Счастливчик толкнул тяжелую дверь и шагнул в «Барракуду».

Немного замешкался на пороге, ошалев от запаха. Поначалу даже решил, будто ошибся дверью и заглянул не в таверну, а напрямик в отхожее место. Не пройдя и пары шагов, наткнулся на удручающего вида субъекта в потрепанной соломенной шляпе, спящего за ближайшим к двери столом лицом в тарелке. Под лавкой, на которой он развалился, темнела обширная лужа, которая и являлась источником вони.

Впрочем, ароматы, распространяемые типом в шляпе, чувствовались разве что у самого входа. В глубине таверны все забивали другие запахи – кислой капусты, браги, прогорклого сала, на котором жарились какие-то лепешки. И, конечно же, царил надо всем вездесущий запах рыбы.

Барт, шуря слезящиеся от вони и копоты глаза, огляделся. Полутемный зал таверны был почти пуст. Помимо спящего у выхода, наблюдалось всего двое посетителей. Один, тоже едва держащийся на ногах – облокотился о стойку, рассматривая что-то на дне объемистой щербатой кружки. Второй – какой-то бродяга в сером балахоне – чинно восседал за дальним столиком в компании с краюхой хлеба и миской рыбной похлебки.

Трактирщик, как ему и полагалось, находился за стойкой. Был он невысок, лысоват и толст, причем добрые две трети веса по прихоти природы сосредоточились в средней части его туловища, будто бы он на сносях и ожидает по крайней мере тройню. Высоко закатав рукава,

толстяк деловито чистил большую рыбину, нимало не заботясь о том, что чешуя брызжет во все стороны, долетая чуть не до середины зала.

Барту, конечно, доводилось бывать раньше в кабаках, коих в порту Валемира было предостаточно. Но по сравнению с «Барракудой» все злачные места, виденные до этого юным Твинкдотом, были просто образцами чистоты и порядка.

– Пожалуй, много здесь брать не буду, – пробормотал Барт. – Так, на разок-другой перекусить...

Он подошел к стойке, косясь на пьянчугу, который оторвался по такому случаю от кружки и с нездоровым интересом разглядывал нового посетителя.

– Здравствуйте, э-э... дон.

Трактирщик вопросительно взглянул на него, промычал что-то нечленораздельное. Нижняя губа у него – толстая, ярко-красная – сильно выдавалась вперед, что в сочетании с серыми глазами навывкат делало его до смешного похожим на рыбину, которую он чистил. Разве что у рыб не бывает такой многодневной рыжей щетины на щеках.

– Я хотел бы закупить немного провизии, дон, – кашлянув, продолжил Барт. – Хлеб, сыр, может, вяленое мясо.

– Может, рыбы? У меня хренова прорва вяленого тунца, – предложил трактирщик. – Прямо не знаю, куда его девать. Подванивать уже начал...

– А больше ничего нет? – скривился Барт.

Толстяк пожал плечами.

– Тебе сколько надо-то?

– Да немного. На пару дней одному человеку... Да, и бурдюк с водой. И мешок, чтобы все туда положить.

Рыбомордый только хмыкнул и, развернувшись к Барту спиной, принялся рыться в стоящих тут же, у прилавка, ящиках. Похоже, подсобного помещения здесь не было вовсе. Ну что ж, зато зал всегда под присмотром.

Барт встретился взглядом с соседом по стойке и вздрогнул. Глаза у того были словно стеклянные – водянистые, бессмысленные. Из уголка губ тянулась, завязнув в бороде, желтая нитка слюны. Несло от пьянчуги так, что самому немудрено было захмелеть. Юноша отодвинулся подальше.

– Может, возьмешь чего, пока я приготовлю? – спросил, не разгибаясь, трактирщик. – Пива?

– М-мм... Может, у вас найдется грог?

– Чего?

– Ну, грог... Горячий такой. С вином.

– Не. Пиво. Будешь?

– Нет, спасибо, я тороплюсь, – отмахнулся Барт, нервно поглядывая в сторону выхода.

Двери трактира распахнулись, как от удара тараном, и в зал ввалилась целая орава оборванцев с красными обветренными мордами и выгоревшими на солнце волосами. В два счета оккупировали два длинных стола в центре зала и затребовали пива. Трактирщик тут же отвлекся от выполнения заказа Барта и принялся наполнять огромные глиняные кружки. Счастливчик хотел было напомнить толстяку, что он первый пришел, но решил, что это бесполезно. Вздыхнув, отодвинулся в сторону от стойки, в полутемный угол с едва тлеющей на стене лампадой – как раз туда, где хлебал свою уху бродяга в сером балахоне.

Впрочем, приглядевшись, Барт решил, что поторопился с выводами. На бродягу этот странный субъект не был похож. Да, одежда его была неброской, больше всего похожей на монашескую рясу, пыльной, но без прорех и заплаток. Пепельно-серые, сильно побитые седой волосы спадали на плечи длинными волнистыми локонами, лицо – с аккуратной короткой бородой, тоже с проседью – подошло бы какому-нибудь аристократу. Благородный, с неболь-

шой горбинкой, нос с тонко очерченными ноздрями, широкий подбородок, надменный излом бровей... И эти глаза – необычно светлые, почти прозрачные, с цепким, как рыболовный крючок, взглядом.

Незнакомец мимоходом скользнул взглядом по Барту, потом, чуть позже, еще раз. Потом ещё – всё будто бы между прочим, не прерывая трапезы, но Счастливчик невольно поежился. Спohватившись, одернул жилет, из-под которого торчала наружу рукоять кинжала.

– Вот бестолочь! – чертыхнулся он себе под нос, с досадой оглядываясь на трактирщика, который с поразительной для его комплекции быстротой сновал между столами и прилавком, таская рыбакам кружки с пивом.

Задерживаться здесь надолго совсем не входило в его планы. Еще, чего доброго, Черный заявится. Или...

Дверь снова скрипнула, распахиваясь настежь, и на пороге возник злющий, как демон, и почему-то весь перепачканный в земле кузнец. Барт съежился, втянул голову в плечи и начал медленно сползать под лавку.

Бородач прямой наводкой протопал к стойке и, потеснив торчащего там пьянчугу, затребовал пива. Пока трактирщик наполнял кружку, повернулся, окидывая взглядом полутемную залу...

И почти сразу же встретился взглядом со Счастливчиком.

– Ах ты, рыбий потрох!! – рявкнул он так, что заглушил даже галдеж рыбацкой ватаги. – Вот ты где!

Косолапо переваливаясь с боку на бок на коротких кривых ногах – ну точь-в-точь как ярмарочный медведь – кузнец ринулся на Барта. Тот, недолго думая, юркнул под стол, пихнул ногой лавку, роняя ее под ноги преследователю. Бородач благополучно попался на уловку и под дружный гогот завсегдатаев загремел костями по грязному полу. Барт же, выскочив из-под стола с другой стороны, рванул к выходу.

– Держи вора!! – завопил кузнец, барахтаясь на полу в безуспешных попытках подняться. – Кошель у меня утром спёр, поганец!!

Один из рыбаков – красномордый, обросший жесткой, как у кабана, щетиной – ухватил убегающего Барта за штанину. Тот дернулся было, но быстро понял, что хватка у моряка мертвая. Выхватил кинжал.

– Ах ты, сволочь! – взвыл красномордый, зажимая второй рукой длинный порез на тыльной стороне ладони. – Держите его!!

Барт, вырвавшись из захвата, поднырнул под рукой второго моряка, попытавшегося преградить ему дорогу, избежал подножки третьего и двумя заячьими прыжками оказался у выхода. Дверь, будто бы сама собой, призывно распахнулась ему навстречу.

Счастливчик не успел затормозить и со всего ходу врезался в возникшего на пороге посетителя. Все равно что налететь на стену. Юношу отбросило назад, а хлесткий удар по задней стороне голени окончательно свалил с ног. Ушибленную поясницу пронзила резкая боль, но Барт, не обращая на нее внимания, по инерции кувыркнулся назад, вскакивая на ноги. Голодный, всклокоченный, оскалившийся от боли и страха, он походил на окруженного собаками волчонка. Сильно, до ломоты в пальцах стиснув влажную от вспотевших ладоней рукоять кинжала, он едва не ринулся снова вперед, на преградившего ему путь незнакомца. Но едва не выронил оружие, когда разглядел, кто перед ним.

Новый гость «Барракуды» шагнул через порог, громко и четко, как копытом, громя нув о доски пола тяжелым сапогом. Черный плащ с капюшоном почти полностью скрывал его фигуру, обволакивал широкими складками. Лица под капюшоном не разглядеть – сплошная чернота, будто бы сама Жнец пожаловала в убогий рыбацкий трактир.

Вдруг стало очень, очень тихо. Лишь странный субъект за дальним столом продолжал мерно постукивать деревянной ложкой, доедая похлебку. Его, похоже, происходящее в зале оставило равнодушным.

– Ах, это ты, крысёныш... – прогудел Черный и шагнул к Барту, странным образом умудрившись одним махом преодолеть разделяющее их расстояние. Счастливчик и вздохнуть не успел, как рука в черной кожаной перчатке оказалась у него на горле. Еще миг – и он, корчась и хрипя, повис в воздухе. Жуткий тип легко держал его одной рукой, будто тряпичную куклу.

Какое-то время – как показалось Барту, целую вечность – он молча разглядывал его, будто ему доставляло удовольствие смотреть, как юноша извивается, пытаясь разжать мертвую хватку, мычит и пускает слюни. Кинжал Барт выронил и тот вонзился в пол рядом с ногой Чёрного.

Посетители кабака, даже самые пьяные и громогласные, затихли. Кажется, даже дышать перестали. Помощи ждать неоткуда.

– Полно тебе, Сандро. Оставь парня в покое. Или уж добей, чтоб не мучался, – раздался, наконец, чей-то голос.

Сказано было негромко, но говорившего, похоже, услышали даже в дальних углах зала.

Черный повернул голову... И выпустил Барта. Тот бессильно рухнул наземь, закашлялся, упираясь в пол дрожащими руками. Перед глазами плясали цветные пятна, а горло будто по-прежнему стискивали стальными пальцами. Воздух, врываясь в легкие, шипел и булькал, как кипящая похлебка.

Черный отпихнул Барта ногой и шагнул вперед. Юноша, воспользовавшись моментом, отполз в сторону, к стене, рванул ворот рубахи, освобождая горло. О нем вроде бы забыли, и это его вполне устраивало.

Субъект в сером балахоне уже почти расправился с ухой и деловито вымакивал остатки куском хлеба, исподлобья поглядывая на жуткого гостя. Страх в его глазах не наблюдалось. Лишь ожидание и... что-то похожее на усмешку. Хотя, может, Барту показалось. Лично он, например, не находил в Черном ничего смешного.

– Ты! – наконец, каркнул пришелец. В голосе его – гулком, будто из печной трубы – явственно чувствовалась угроза.

– Я, – не стал отпираться любитель похлебки. Барт про себя уже окрестил его Серым.

– Да уж, тебя можно встретить в самых неожиданных местах, любитель поковыряться в падали, – пророкотал Черный.

– Ну, так и падаль порой оказывается в самых неожиданных местах, – усмехнулся Серый. – Взять, к примеру, тебя, Сандро.

Черный дернулся, как от удара, прорывал что-то невнятное и порывистым движением отбросил назад капюшон. По залу прокатились испуганно-удивленные возгласы. Барт и сам едва не взвизгнул в голос, увидев лысый, как коленка, череп и изуродованное застарелым ожогом лицо. Особенно страшна была нижняя половина: с левой стороны рта вместо губ – рваная рана с почерневшими, сморщенными краями, сквозь которую видно неровные желтые зубы. Как это он умудряется внятно разговаривать с такой пастью?!

– Ты, как всегда, неоправданно дерзок, Пилигрим, – ощерился Черный в жуткой ухмылке. – Но я рад, что мы наконец-то встретились снова. И в этот раз даже не надейся сбежать!

Серый равнодушно пожал плечами, отвлекся, наконец, от похлебки и скучающим взглядом окинул убогий зал. Не сделал ни единого движения, даже в лице не изменился, но...

Завертелось, как любил говаривать Матео, сын торговца сладостями и один из вечных соперников Барта.

Стол, за которым сидел Серый – массивный, сколоченный из старых, почерневших от времени досок – вдруг взметнулся вперед и вверх, будто бы невидимый великан щелкнул по

нему пальцем. Сила, пославшая в полет этот вовсе не предназначенный для метания предмет, была такова, что он треснул еще в начале броска. Черный, взмахнув руками, вдруг исчез, оставив после себя лишь струи черного дыма, и стол пролетел мимо того места, где он только что стоял.

Серый был уже на ногах – напряженный, слегка сторбившийся. Сгустки живой тьмы метнулись в его сторону, и из них вынырнул Черный. В руках его был причудливой формы клинок, очень напоминающий кинжал Барта, только больший по размеру.

Серый распахнул полы своего балахона, взмахнув ими, как крыльями. В его правой руке возник пистолет. Грянул выстрел, за ним – еще один, ещё и ещё. Между грохотом выстрелов – звонкие щелчки прокручиваемого барабана.

Барт слышал про такие штуки, но никогда не видел. Многозарядные пистолеты с особыми капсюльными патронами. Вершина оружейного искусства Бакши. Стоят целое состояние. Откуда такой у этого бродяги?

Обгорелый уродец, снова вынырнув из тьмы, бросился на Серого, взревев, как тигр... Хотя, пожалуй, даже рык разъяренного хищника показался бы безобидным мяуканьем по сравнению с тем, что выдал Черный.

Барт сжался, закрывая голову руками. Последнее, что он успел заметить – как из рукава Серого вырывается нечто, похожее на длинное серебристое щупальце.

Что-то полыхнуло, раздался жуткий треск, и с потолка посыпалась труха и мелкие обломки. Рядом с Бартом шмякнулся с потолка массивный масляный светильник. Несколько жгучих капель попали юноше на плечи и спину, и он зашипел, как рассерженный кот, поспешно отползая в сторону. Едва не напоролся на торчащий из пола кинжал. Когда гладкая ониксовая рукоять снова, как влитая, легла в ладонь, Барту даже несколько полегчало.

Двигаясь вдоль стойки, Барт вскоре обнаружил проход, ведущий прямоком на другую сторону, во владения толстобрюхого трактирщика, и не преминул им воспользоваться.

В зале творилось что-то невообразимое. Светильники, и без того немногочисленные, затухли либо разбились в первые же мгновения схватки, тьму освещали лишь вспышки выстрелов и заклинаний. И, судя по всему, по части магии оба странных гостя – и Серый, и Черный – далеко ушли от тех кудесников, что выступают с фокусами на ярмарках. Громыхало и бухало, как во время грозы, потолок трактира так и норовил рухнуть, воздух наполнился запахом гари. Трактирщик, скорчившись на полу и крупно дрожа, причитал, время от времени срываясь на визг. Барт, разглядев в свете очередной магической вспышки котомку, в которую тот начал уже складывать его заказ, подхватил её и пополз к выходу.

Выглянув из-под прилавка, тут же увидел дерущихся магов. Пламя, охватившее дальнюю стену трактира и разгоравшееся все сильнее, достаточно освещало ту часть залы, чтобы увидеть, что Серый ранен – все лицо его в крови – блестящей и при таком свете кажущейся очень темной, почти черной.

В руках у Серого – какой-то обломок доски, скорее всего, от столешницы. Им он заблокировал удар клинка, и пытается отвести от себя острие. Черный налегает все сильнее. Руки Серого заметно дрожат, вот он подпускает клинок ближе, еще ближе... Острие почти касается лица... Последнее усилие – и лезвие режет его по щеке, по шее.

Барт оцепенел с глупой миной на лице – сморщившись, будто в ожидании удара.

Но Серый – откуда только силы взялись – вдруг отбросил Черного назад, и, не дав тому опомниться, ударил длинным серебристым хлыстом, выскользнувшим из рукава. Хлыст зашипел, вспарывая воздух, хлестнул Черного по лицу, обмотался вокруг головы, шеи. Черный закричал – хрипло, надрывно. Страшно.

Крик этот будто бы подстегнул Барта, и он, все так же, на четвереньках, в кровь сбивая колени, поспешил к выходу. Распрямился лишь у самых дверей и вывалился за порог, будто

получив пинка. Вопль Черного звенел у него в ушах, преследовал его всю дорогу, пока он, оскальзываясь босыми ногами на глине, неся по темным вонючим улочкам поселка.

В «Барракуде» еще раз гроыхнуло, ощутимо сильнее, чем в прошлые разы. Вывеска с наклеванной на ней рыбиной покосилась, а потом и вовсе сорвалась с креплений, шумно рухнув в грязь.

Потом все стихло.

6

Год 237-й от Разлома, осень, пустоши у южного побережья Валемира

Барт не помнил, как выбрался из Вальбо. Как бежал, не разбирая дороги – долго, пока окончательно не выбился из сил. Не помнил, как набрел на эту пещерку под вывороченной с корнем осиной. Даже не пещерку, а нору, в которую он с трудом поместился, скорчившись в три погибели.

Поначалу, разгоряченный, задыхающийся от бега и пережитого ужаса, он долго не мог прийти в себя. Потом, когда ночная сырость взяли свое, изрядно продрог. Не помогли даже припасы, прихваченные из «Барракуды» и съеденные в один присест. Видимо, начало сказываться утреннее купание в холодной воде. Так что к тому времени, когда из-за пелены сизых туч выглянула луна, Барт занимался тем, что мёрз. Иначе и не скажешь – все мысли были о том, как бы согреться. Зарывшись в опавшую листву, он свернулся в клубок, обхватил руками колени и дрожал, временами громко клацая зубами.

Неплохо было бы вылезти из норы и размяться, разогнать кровь по жилам, но вылезать туда, во тьму, наполненную шелестом, скрипом ветвей и целым океаном каких-то малопонятных и таинственных звуков, Барт так и не смог себя заставить. Будто бы вернулись детские годы, когда он так боялся темноты, что вечерами долго не мог заснуть и укрывался старым клетчатым одеялом с головой, оставляя лишь маленькую щелочку, чтобы не задохнуться.

Да видят боги – он бы сейчас полжизни отдал за то старое клетчатое одеяло!

Когда вышла луна, изрядно посветлело. Барт повернул голову, взглянул на пятнистый светящийся диск, почти идеально круглый. До полнолуния оставались считанные дни. Барт хлюпнул носом, повернулся, шурша листьями, как огромный ёж. Снова выглянул наружу.

Небо в свете луны сделалось темно-серым, будто свинцовым. Угольно-черные силуэты деревьев четко выделялись на его фоне – какие-то странно изогнутые, узловатые, как из ночных кошмаров. Чуть поодаль светлела полоска тракта – вернее, той размытой вдрызг колеи, что могла претендовать на звание дороги только в такой глуши. На покосившемся столбе, врытом на повороте к Вальбо, наверное, когда-то был указатель, но теперь это был просто столб, торчащий, как одинокий гнилой зуб во рту у нищенки.

Барт поежился, выпростал руки из подмышек, яростно потер ладони друг о друга, стараясь согреться. Пальцы замерзли до ломоты в суставах и плохо слушались. Кожа на руках бледная, синюшная, как у ошипанной курицы. Больно глотать, но это уже последствия близкого знакомства с Чёрным.

Тут-то он и заметил на рукаве странный багровый отсвет. Уставился на него, как завороченный. Медленно повернулся... Отстранил руку от тела...

Руны на рукояти кинжала, заткнутого за пояс, полыхали ярким, пульсирующим светом, живо напоминая недавнюю сцену с кольцом, брошенным в камин. Барт, несмотря на холод мгновенно покрывшись испариной, выбрался из норы, с трудом разгибая затекшие конечности. Двумя пальцами, будто боясь запачкаться, вытянул кинжал из-за пояса и отбросил от себя. Зашарил по карманам, выудил добытую у Черного серебряную бляху. Руны на ней тоже всюю полыхали красным, а кристалл игниса в центре походил на раскаленный уголек.

– А-а-а, проклятье... – зашипел он, отбрасывая и бляху. Отбежал на пару шагов. Игнис пламенел в траве ярко-красными каплями, будто кто-то окропил землю светящейся кровью. Впрочем, он не пульсировал, как то кольцо в огне. Может, ничего опасного?

Любопытство взяло верх. Да и жаль было бросать добытые с таким риском вещи. Ну, светятся, что ж с того? Выглядит безобидно – во всяком случае, пока. Никаких там огненных червей и прочих неожиданностей.

Он простоял так довольно долго, пока на лунный диск не набежала туча, и все не погрузилось во тьму. Красные огоньки, казалось, вспыхнули еще ярче, но потом начали тускнеть и гаснут. Барт зашарил руками в траве, отыскивая пропажу, но в такой темени сделать это было ох как непросто. Кинжал он нашел почти сразу, сверток тоже. А вот серебряная бляха как сквозь землю провалилась. Барт, осторожно передвигаясь на корточках, долго шуршал сухими листьями, но все без толку. Пришлось возвращаться в свою нору.

Луна вскоре показалась вновь – после короткого, но весьма неприятного дождичка, превратившего убежище Барта в грязную яму. Счастливчик, чертыхаясь, выбрался наружу и тут же увидел тлеющий огонек игниса в траве.

– Луна... – прошептал он. Задрал край жилетки. Рукоять заткнутого за пояс кинжала тоже расцветала багровым пламенем. – Это всё из-за луны...

Подобрал с земли бляху, спрятал в карман. Огляделся.

До рассвета, судя по всему, оставалось недолго – небо на востоке заметно просветлело, звезды потускнели, почти слились с серовато-сизым фоном. Из-за опускающегося на землю тумана еще больше похолодало. Барт взглянул в сторону поселка и вздрогнул.

По дороге кто-то ехал. Лошадь неторопливо брела по размытой колее, понуро склонив голову. Всадник, закутанный в просторный плащ с капюшоном, не торопил её, ехал, как-то странно скособочившись в седле, будто придерживая что-то за пазухой.

Барт, пригнувшись, шмыгнул в сторону, спрятался за массивным камнем, лежащим у самого края дороги, рядом с покосившимся столбом.

Кто этот всадник? Вряд ли кто-то из местных. Сразу же, едва увидев его, Барт почему-то решил, что это – тот самый Серый из «Барракуды». Хотя, конечно, под плащом мог скрываться кто угодно. Даже...

Нет, Черного бы Барт узнал бы сразу. К тому же, хотелось надеяться, что жуткий тип не выжил в той схватке.

Барт во все глаза наблюдал за приближающимся путником. Луна снова скрылась за тучами, так что теперь всадник представлял собой размытый темный силуэт, приближающийся медленно и почти беззвучно, как привидение. Странно. Обычно на лошадиной сбруе полно всяких блях, застежек, колец, а то и специально навешанных колокольчиков, которые постоянно звякают во время езды.

Незнакомец был все ближе. Вот уже стали слышны чавканье копыт, выдергиваемых из мокрой глины, фыркание лошади, поскрипывание седла и сбруи. Всадник миновал камень, за которым укрылся Барт, проехал, едва не коснувшись стремянем, старый дорожный столб.

Счастливчик медленно, неуверенно распрямился. Раскрыл было рот, чтобы окликнуть всадника, но нарушить эту тягучую, почти осязаемую предрассветную тишину казалось чудовищным кощунством. Страх сковывал, сдавливал ледяным обручем горло, еще болевшее после мертвой хватки Черного. Барт выбрался из-за камня, выбежал, оскальзываясь на холодной глине, на дорогу.

– Кхм... Г-господин! – хрипло окликнул он, удивляясь собственному голосу, больше похожему на карканье.

Лошадь громко фыркнула, перебирая копытами. Всадник резко развернулся в седле, и в воздухе что-то свистнуло. В сторону Барта метнулась шипящая серебряная плеть. Он отпрянул, едва не завалился на спину, в последний момент ухватившись за сырой осклизлый столб. Блестящее металлическое щупальце с клином на конце, чуть не расцарапав ему щеку, вонзилось в этот же столб в пяди от его головы. Барт замер, вытаращив глаза. По телу пробежала горячая волна запоздалого ужаса.

– Хорошая реакция, сынок, – раздался знакомый голос. – Но не делай так больше.

Серый – а это был он – дернул щупальце на себя, и оно, извиваясь, втянулось в рукав, напоследок щелкнув раздвоившимся клинком, как клювом.

– В-вы... Вы... Меня напугали, дон... – пробормотал Барт и закашлялся. В горле першило так, будто он проглотил пригоршню иголок. Разговаривать было больно, даже шёпотом. Проклятый Чёрный!

– Ты меня тоже, – признался всадник. – Говори. Но предупреждаю, я не настроен на длинную беседу.

– Да и мне не до того, господин, – невесело усмехнулся Барт, снова пытаясь откашляться. Безрезультатно. – Меня зовут Бартоломью Твинклдот...

Серый представляться и не подумал. Сидел в седле неподвижно и безмолвно, как истукан.

– Так вот, я... – замялся Барт. – Я потерпел кораблекрушение. Второй день плутаю по этому берегу без гроша в кармане, без еды...

– Откуда ты?

– Из Валемира... Но мне... – он снова кашлянул, болезненно поморщился, потирая горло. – Мне нельзя туда возвращаться.

Серый хмыкнул.

– Потрясающая история. Что ты от меня-то хочешь, сынок?

Барт едва сдержал слёзы.

– Заберите меня отсюда, господин!

Серый долго молчал, разглядывая Барта. Счастливчику тоже было не до разговоров – он вдруг с ужасом понял, что каждое последующее слово дается ему все с большим трудом. Похоже, Черный здорово повредил ему гортань. Как бы вовсе не потерять голос...

– Сдается мне, ты многого не договариваешь, Бартоломью Твинклдот... – сказал, наконец, Серый.

– Поверьте, господин, если вы заберете меня отсюда... – прохрипел Барт. Откашлялся. Шмыгнул носом. – И если я не сдохну по дороге от проклятого насморка или воспаления легких... то я расскажу вам все, что захотите. Даже то, что обычно... утаивал на исповедях отцу Миро в святилище Араноса.

Серый усмехнулся. Снова надолго замолчал.

– Мне нечем заплатить вам, господин... – решился, наконец, Барт. – Но у меня есть вот это...

Он показал серебряную бляху.

– Вижу, – буркнул Серый. – А за поясом у тебя арранийский крис. Судя по форме рукояти, это даже не просто крис, а жреческий никталус.

– Ну... наверное, – пробормотал Барт. Так и есть, этот странный маг следил за ним в таверне. Вот ведь глазастый!

– Не каждый день натыкаешься на юнца, у которого карманы набиты вещами, на поиски которых кое-кто тратит годы...

– Я отдам вам все, только вытащите меня отсюда! – просипел Барт. – Ну... Или продам...

Серый удивленно хохотнул.

– Я недорого возьму, – продолжил Счастливчик. – Мне бы только немного денег... Чтобы путешествовать... Прикупить чего-нибудь из одежды...

– Да, с одеждой у тебя полная проблема, как я посмотрю...

Серый снова замолчал. Его лица не было видно под капюшоном, но Барт чувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд.

– Ладно. Садись сзади. Только одно условие...

– Да, господин?

Серый вытянул руку.

– Крис.

Барт неохотно потянулся к кинжалу.

– Быстрее, Бартоломью, пока я не передумал. Мне совсем не хочется, чтобы позади меня ехал кто-то с арранийским клинком за пазухой.

Юноша, скрепя сердце, передал оружие Серому.

– Вот и отлично. Это очень опасная штука, поверь. Раны от таких не заживают... Ну, запрыгивай.

Барт с трудом забрался на круп лошади, позади седла, ухватился за плащ Серого.

– Осторожнее, – прошипел тот, когда он случайно задел его бок.

– Вы ранены, господин?

– Так, ерунда. Но довольно болезненно. Ладно, поспешим. Мне совсем не хочется задерживаться в этой дыре.

– Мне тоже...

Наездник тронул поводья, и лошадь, фыркнув, побрела по дороге неспешным, монотонным шагом. Барт оглянулся назад, где в свете восходящего солнца уже можно было разглядеть окраинные строения Вальбо. Захотелось стегануть чем-нибудь флегматичную кобылу Серого, чтобы та перешла с неспешного верблюжьего шага хотя бы на рысь.

– Не ёрзай, Бартоломью, – бросил через плечо Серый. – Иначе пойдешь пешком.

– Извините, господин... Кстати, вы забыли представиться.

Серый промолчал.

Барт вздохнул, понимая, что от дальнейших расспросов лучше воздержаться, хотя любопытство так и переполняло его. Впрочем, боль в горле тоже не способствовала продолжительным беседам, так что тут все подобралось одно к одному.

Дальше они поехали молча. Солнце выползло из-за горизонта, залив окрестности не осеннему ярким светом, в два счета разгоняя сгустившийся было туман. Здорово потеплело. Глинистая размытая колея, идущая от Вальбо, сменилась более сносной дорогой, и лошадь сразу же пошла шибче. Барт оглянулся в последний раз на каменистую пустошь, тянущуюся до самого моря, на очередной покосившийся и потемневший от дождей дорожный столб. Его вдруг будто шилом пронзило ощущение потери. Будто только сейчас до него дошло, что он уже никогда не вернется к тому, что знал. Что впереди – неизвестность, новая, совсем другая жизнь. Жизнь, к началу которой он не очень-то и готов.

Счастливчик – хотя после событий последних дней он готов уже был отказаться от этого прозвища – опустил голову, сосредоточившись на созерцании грязного плаща своего попутчика.

И больше не оглядывался.

Часть вторая. Коготь

1

Год 237-й от Разлома, Валемир, осень

В воздухе вилась пакостная осенняя морось. Вроде и не настоящий дождь – так, брызги. Но вполне хватило, чтобы одежда промокла насквозь еще на полпути от дома Локрина до кордегардии. Старый капитан чертыхался себе под нос, разглядывая маячащую впереди спину Брина, его смешные вихры на затылке, царапину на шее.

По пути ни о чем не расспрашивал, хотя внутри все кипело от досады и беспокойства. В кои-то веки не вышел лично в утреннюю смену – и на тебе, три трупа! Двое гражданских. И один из стражников. Кто убит, не спросил сразу, и теперь гадал, припоминая, кого посылал нынче в патруль. Кого из них не уберег? К кому домой придется нести страшную весть? Эрин? Толстяк Паул? Тонио?

Эрин ждал их на улице, перед входом в кордегардию. Раскрасневшийся, без капюшона. Намокшие усы повисли длинными пегими сосульками. Завидев идущих, дернулся было навстречу, но, поймав взгляд Локрина, лишь кивнул в знак приветствия и скрылся за дверями. Капитан вошел следом. За ним, едва не наступая начальству на пятки – Брин. Юношу так и распирало от волнения и любопытства. Да, пожалуй, это первое крупное происшествие за все время его службы...

Локрин хотел было отослать юнца, но потом махнул рукой. Сразу, с порога, скомандовал Эрину:

– Говори.

– Особняк Лерано, – в своей обычной отрывистой манере выпалил тот. – Двое убито. Сам хозяин. Его в кровати нашли, глотка вскрыта – от уха до уха. Похоже, что прямо во сне. И в саду труп. Один из охранников поместья. Но на этого уже потом наткнулись...

Локрин слушал доклад, неторопливо вышагивая из угла в угол по скрипучим, как несмазанная телега, половицам.

– С чего началось-то? Какого демона вы вообще туда сунулись? – буркнул Локрин,

Поместье – на самом краю портового района Валемира, уже на твердой земле, и официально даже не входит в зону патрулирования их отряда, хотя и находится по эту сторону стены, отгораживающей портовый район от большого города. Мало того, Андреас Лерано при жизни мог позволить себе личную охрану. В саду и в доме постоянно дежурило с полдюжины головорезов.

– Мы с Паулом неподалеку были. И тут – крики! Женщина кричала, жена. Глядим – кто-то из окна сиганул. Нам повезло – он ногу подвернул. Довольно серьезно. Убежать не смог. Тут мы его и повязали. Из дома еще охранники выбежали, помогли. Дармоеды, чтоб их...

– А... Паул?

Эрин неожиданно вспыхнул, крепко саданул кулаком по столешнице.

– Эх, кур-рва! Проглядел я, капитан! Нет, ну ведь до чего изворотливая тварь, а! Мы на него вдвоем навалились. Я в охалку сгрёб, Паул с верёвкой. А этот... У него в носке ботинка клинок был. И – сразу в горло. Ничего не успели сделать...

Локрин только сейчас разглядел в дальнем, неосвещенном углу накрытое рогожей тело. Скрипнул зубами, подавив желание выругаться.

– А этот где?

– В подвале. Мы его раздели до исподнего и связали. Чтоб уж без фокусов.

– Пойдем, посмотрим, – скомандовал капитан. – Брин, захвати фонарь.

Юнец встrepенулcя, отрывaя взгляд от тeлa нa лaвкe, пoдхвaтил oдин из cвeтильникоB co cтoлa и пepвым бpocилcя к двeри в пoдвaл.

Coбcтвeннo, нe бyдь тaм кpoшeчнoгo oкoнцa пoд caмым пoтoлкoм, этo и нe пoдвaл был бы, a пoгрeб. Oкoнцe пpoбитo в дaльнeй cтeнe, пpямo нaпpoтив лecтницы и cлужит в пepвyю oчepeдь вoздyxoвoдoм. Cвeтa oт нeгo дaжe в пoлдeнь хвaтaeт тoлькo нa тo, чтoбы pазличить oчepтaния пpeдмeтoв.

Хoтa глaдeть-тo тyт ocoбeннo нe нa чтo. Двe кaмepы, oтгoрoжeннe oт пpoхoдa тoлcтыми жeлeзными пpyтьями. Двa кoлчeнoгих тaбyрeтa y дaльнeй cтeны, пoд caмым oкнoм. Нa oднoм из них – плoшкa c oгapкoм тoлcтoй, кaк пoлeнo, cвeчи.

Тoниo – дoлгoвязый, нeсклaдный, c вoлocами цвeтa пpeлoй coлoмы и лицoм бeз вoзpacтa – cтoял нaпpoтив дaльнeй кaмepы, нeтoрoпливo пoхлoпывaя пo лaдoни дyбинкoй, oбepнyтoй cыpoмaтным рeмнeм. Увидeв нaчaльcтвo, пoдoбрaлcя, cпpятaл рyки зa cпинy. Лoкpинa oн yвaжaл и пoбaивaлcя, кaк и вce oстaльнe. Впpочeм, cтpax этoт, кaк и y oстaльных, cмeшaн c пoчти cынoвнeй лyбoвьy и пoчитaниeм. Cтapик Лoкpин нe из тeх, чтo oтcиживaeтcя зa чyжими cпи-нaми, a зa лyдeй cвoих бoлeeт, кaк зa poдных. Cиpoтe Бpинy oн и вoвce зaмeнил poдитeлeй, пoдoбрaв мaльчишкy пocлe кoрaблeкpyшeния гдe-тo зaпaднee Вaлeмиpа.

– Нy, чтo тaм y нac...

Лoкpин зaбрaл y Бpинa фoнapь, пpипoднaл eгo пoвышe. Эpин oстaнoвилcя чyть пoдaль, вceм видoм пoкaзывaя, чтo eмy дaжe cмoтpeть лишний pаз нe хoчeтcя нa этoгo гaдa в кaмepe. Бpин, cмeшнo вытaгивaя шeю, выглaдывaл из-зa cпин cтapших.

– Твoю мa-aть... – пpиcвистнyл Лoкpин и пoдaлcя впepeд, eдвa нe кocнyвшиcь лицoм pжaвых пpyтьeв.

Пoймaнный бeз движeния вaлялcя нa нapax в нeecтecтвeннoй, излoмaннoй пoзe. Рyки были cвязaны зa cпинoй и пpитянyты к cтyпням. Bo ртy торчaл внyшитeльных pазмepoв кляп. Из oдeжды нa плeнникe лишь нaбeдpeннaя пoвязкa, тaк чтo мoжнo в пoдpoбнocтях pазглaдeть зaтeйливyю вязь тaтyиpoвoк, пoкpывaющyю рyки oт зaпяcтий дo caмыx плeч и пepexoдящих нa гpyдь, шeю, cпинy. Тaтyиpoвки нaнeceны иccиня-чepнoй кpacкoй, дpyгyю былo бы нe pазглaдeть – кoжa y yбийцы тeмнaя, жeлтoвaтo-кopичнeвoгo oттeнкa, кaк рeчнaя глинa.

– Рoт-тo зaчeм зaткнyли? – cпpocил кaпитaн.

– Тaк вeдь кycaeтcя, cвoлoчь, – cплoнyв нa пoл, пpoцeдил Тoниo. – Пpишлocь eгo вoвce выpyбить, чтoб нe бyянил.

– Нy, этo ты мaстep, – бyркнyл Эpин. – Cвязaннoгo-тo чeгo нe выpyбить? Я бы нa тeбя тaм, в cady, пocмoтpeл...

– Дa пoшeл ты, – нe мyдpствyя, oгpызнyлcя дoлгoвязый и пoвepнyлcя к Лoкpинy. – Чтo дeлaть-тo c ним бyдeм, кaпитaн?

– Oткpой-кa кeткy.

– Мoжeт, нe нaдo? – oтoрoжнo cпpocил Эpин – Гoвopю жe – извoрoтливaя твapь. Кaк бы нe выкинyл чeгo...

– Oткpывaй, гoвopю.

Лoкpин пepexвaтил фoнapь лeвoй рyкoй, пpaвoй вытaнyл из нoжeн кopд.

Ключ пpoнзитeльнo, пpoбиpая дo caмыx пeчeнoк, cкpeжeтнyл в cквaжинe.

– Дa чeгo тaм cмoтpeть-тo, кaпитaн? – пoддaкнyл Эpинy Тoниo. – Сдaть дyшeгyбa импep-цaм, дa и дeлo c кoнцoм. Ужe к вeчepy, нeбoсь, нa висeлицe бoлтaтьcя бyдeт.

– Пpoвepить хoчy, – глyхo oтoзвaлcя Лoкpин.

– Чeгo пpoвepять-тo?

Кaпитaн пocтaвил лaмпy нa кpай нap и cвoбoднoй рyкoй пoвepнyл плeнникa нa cпинy. Пpишyрилcя, pазглaдывaя pиcyнки y нeгo нa гpyди.

– Не может... Неужто... – пробормотал он, едва ли не носом водя по татуировкам. Потом выпрямился, развернулся к остальным. Глаза лихорадочно блестели, отражая неровное пламя свечей. Взгляд был слегка шальным, будто пьяным.

– Ну, держи теперь кошель шире! Такую награду за поимку отхватим – за год не истратить! Эх, если б не Паул, сказал бы я, что Аранос-хранитель нас милостью своей одарил...

– Да кто это, капитан? – не выдержал Брин, проталкиваясь к решетке.

– Сами-то не допёрли ещё? Олухи! Второй год ведь канцелярия листовки малует с приметами. Ну?!

Стражники уставились на связанного, будто только сейчас увидели. Высокий рост, коричневая кожа и характерный разрез глаз выдавали в нём уроженца островов Тхай. По обычаям тхайцев, голова почти полностью обрита наголо, а длинные волосы на затылке собраны в хвост. Волосы – это видно даже в темноте – выкрашены в ярко-красный цвет, какого не бывает от природы. Шею пленника стягивает странный амулет в виде паука. Цепочка слишком короткая, так что вдавливается в кожу. Сам паук – крупный, с брюшком размером с серебряную монету в десять лир – кажется, и вовсе врос лапками в ямку между ключицами. Татуировки на теле по большей части состоят из тайских иероглифов, но на груди искусно выколота парящая птица.

– Может, это и совпадение. Но слишком много сходится. Много ли по материку шастает тхайцев из рода Буревестника? Это он, точно вам говорю! Рахт айн Каррейда ... тьфу, как там...аэн Сейларанн. Ну, или, если короче...

– Коготь?! – разом выдохнули Эрин с Тонио...

2

Год 223-й от Разлома. Острова Тхай

– Коготь! Ещё раз! Блок! Прыжок нарра! Блок!.. Ар-рх, больно же! Я сказал – блок! Ты чем слушаешь, Рахт?!

– Ты раскрылся. Зачем мне блокировать, если можно напасть?

– В настоящем бою я бы так не раскрылся! Мы же просто тренируемся, разве нет? Защиту отрабатываем, между прочим! Которая у тебя хромает.

– Ничего у меня не хромает!

– Да ну? Проверим? Только учти – поддаваться не буду!

– Ха!

– Ну, тогда держись, братишка...

Деревянные мечи сухо стукнулись, скрестившись самыми кончиками. Бойцы – оба раскрасневшиеся, взъерошенные – на мгновение замерли, будто стараясь услышать биение сердца противника. Напряженные, сосредоточенные. Оба – совсем ещё мальчишки, едва ли отмерившие двадцать зим. Высокие, поджарые, бритоголовые. На обоих – просторные тренировочные санно из тонкой светлой ткани, прилипшие к спинам от пота. Сейчас юноши похожи друг на друга, как близнецы. Только у того, что чуть повыше и, видимо, чуть старше, глаза серые, как талый снег, а у второго – черны и блестящи, как полированные кусочки оникса.

– Хэй! – гортанно вскрикнул старший, вскидывая меч. Но напал первым черноглазый. Молча, но с таким исступлением, будто собирался закончить поединок одной-единственной атакой. Он обрушил на противника град ударов, каждый из которых, попади он в цель, грозил немалым уроном, хоть меч и был всего лишь деревяшкой.

Впрочем, сероглазого это несколько не смутило. Он с легкостью парировал удары, плавными, скользящими шагами уходя с линии атаки. А когда черноглазый чуть сбавил темп, ответил молниеносным выпадом, самым концом меча звонко шлепнув противника ниже спины.

– Защита, Рахт! – усмехнулся он.

Черноглазый, лишь поморщившись от боли, снова бросился в атаку. Мечи, сталкиваясь, трещали, и удивительно было, как они не разлетаются в щепки. Улыбка быстро слетела с лица сероглазого, и он, теснимый яростными атаками соперника, вынужден был отступить на несколько шагов. Это ещё больше воодушевило черноглазого, и он ринулся вперед.

Ошибка. Одна из тех, что в реальном бою стоят жизни. Сероглазый развернул меч, будто бы собираясь ставить блок от наносимого сверху удара. Но, едва деревянные клинки соприкоснулись, плавно повел его к себе, одновременно разворачиваясь. Сила и ярость, которую младший вложил в удар, неотвратимо повлекла его вперед – он «провалился». Старший не преминул воспользоваться этим. Следующее его движение было мгновенным – разворот и наклонный удар по ноге, с обратной стороны колена. Черноглазый рухнул на спину, отчётливо лязгнув зубами. Тут же попытался подняться, но уперся в закруглённый конец меча, замерший на волоске от его груди – старший, как полагается, завершил поединок добивающим движением.

– Вот так-то, – улыбнулся сероглазый. Убрав оружие, протянул брату руку, – Давай помогу. Не сильно ушибся?

Младший кувыркнулся назад, пружинисто вскакивая на ноги. Деревянный меч полетел в сторону, глухо стукнулся о камень на краю площадки. Сам же боец, не оборачиваясь, зашагал прочь.

– Рахт! – окликнул его победитель. – Ну, брось! Чего ты?

Догнав брата, положил ему руку на плечо, пытаясь остановить.

– Сам виноват! Я же предупреждал – поддаваться не буду.

Черноглазый стряхнул руку с плеча и зашагал быстрее, буркнув сквозь зубы:

– Отцепись!

Старший, обогнал его, преградил дорогу.

– Слушай, хватит уже! У тебя сейчас дым из ушей повалит! Интересно, это айна угадала с именем, или ты сам стремишься ему соответствовать? Ведь и впрямь горяч, как огонь!

– Сказал же – отцепись! – Рахт остановился, набычился, исподлобья наблюдая за братом.

– За крабами-то идём? Если не наловим к вечеру – Артанг нам точно плетей всыплет. Этак по дюжине на брата...

– Вот и лови их сам!

– Эй-эй, попрिдержи язык! Или мне тебя ещё разок проучить?

Черноглазый насупился ещё больше, сгорбился, сжимая руки в кулаки. Старший примитивно поднял руки:

– Ладно, не злись. Драться мне уже надоело. А с крабами... Ты же знаешь – один я не наловлю, сколько нужно. Да и ты говорил, что место хорошее нашёл. Ну, так что, идём?

– Лови своих крабов сам, Райс! – упрямо повторил Рахт.

Сероглазый вздохнул.

– Ну, а ты куда собрался?

Младший промолчал и, обогнув брата, зашагал вперёд.

– Ты ведь на Язык, верно? – окликнул его тот. – Ну, ладно, пойдём. Я тоже хочу посмотреть.

Он догнал черноглазого, и дальше они шли вместе.

Через тренировочную площадку с утрамбованной до каменной твёрдости землёй. Мимо соломенных тренировочных чучел, стоек с деревянными мечами, шестами и подбитыми войлоком защитными фуфайками, которые нужно надевать на тренировку. Видел бы Артанг, что они опять дерутся без защиты – им бы не поздоровилось. Хотя наверняка он знает. Ну, или догадывается, но не будет подавать вида то тех пор, пока – или если – кто-нибудь из них не пострадает. Он им доверяет. Райс – лучший из молодых бойцов, гордость и надежда рода. Да и Рахт не сильно от него отстаёт, хотя и младше на три зимы. Они уже настоящие воины, и скоро Артанг перестанет быть их учителем. Просто потому, что их нечему будет учить.

По узкой дорожке, выложенной тщательно подогнанными друг к другу плоскими камнями. Между приземистыми постройками без окон, соединёнными между собой крытыми переходами. Жилища безликих. Сразу за ними – склады. Отдельный для провизии, для глиняной утвари, для одежды и тканей, для оружия. Между ними – тоже крытые переходы. Тёмное, затянутое облаками небо выглядит из редких окошек открытых дворики, как вода в затянутом ряской пруду. Скаты крыш и навесов на нижней кромке плавно загибаются вверх, образуя водостоки, по которым дождевая вода устремляется в установленные во дворах бочки. Пресная вода на островах – слишком большая ценность, чтобы позволять ей просто уходить в землю.

Дошли до толстой каменной стены, заштукатуренной с обеих сторон глиной. Стена огораживает весь посёлок, оставляя для прохода двое ворот – восточные и южные. Проёмы ворот небольшие, почти круглой формы, закрываются тяжёлыми створками, сделанными из цельных бревен. Запираются они каждый вечер, и всё время у ворот и по периметру стены стоят на страже вооруженные воины. Порядок соблюдается неукоснительно, хотя при жизни братьев посёлок ни разу не подвергался нападению. Райс, входя под арку ворот, сдержанно кивнул стоящим на карауле воинам. Те кивнули в ответ, здороваясь с ним, как с равным.

По извилистой пыльной тропинке – мимо крохотных полей, для удержания влаги огороженных невысокими земляными валами. На полях бесформенными силуэтами маячат безликие – в серых балахонах, в широкополых соломенных шляпах, защищающих от дождя и солнца. В одинаковых масках из гибкой коры, плотно подогнанных к лицу. Рабы. Пленники,

дезертиры, преступники, заложники, взятые из других кланов как гарантия мира. Те, кто лишился права даже на собственное лицо и собственное имя.

Под их ногами ровными рядами выстроились кустики бобов, которые они тщательно окучивают и заботливо охраняют от сорняков, грызунов и насекомых, а если позволяют запасы воды – и поливают. Каждый день, если только не заняты другой работой. Но в этом году, несмотря на все старания, бобы выглядят неважно – чахлые стебли так и клонятся к серой, как пепел, земле. Богатого урожая нынче, похоже, ждать не приходится.

По каменистому спуску – на укрытое жёлтым покрывалом песка побережье. Мимо старого деревянного пирса – снизу чёрного от воды и улепленного ракушками, а сверху – серовато-белого от морской соли. Доски настила уютно поскрипывают под ногами, отполированные сотнями рук поручни слегка пошатываются, подаются под нажимом, но еще достаточно надёжны.

Они постояли немного на пустом пирсе, глядя на лениво перекатывающиеся серые глыбы волн. Вдалеке, у самого горизонта, можно различить несколько узких треугольных парусов. Рыбачьи лодки. А чуть севернее едва заметным пятном темнеет Пайр – соседний остров. В такую погоду, если не знать, что он там – и вовсе не увидишь.

Потом они молча развернулись и прошли вдоль берега на север. У Головы нарра – вытянутой треугольной скалы, и впрямь напоминающей голову пресмыкающегося – повернули налево и снова зашагали вглубь острова. Сначала по крутому скалистому склону, потом ступили в тень деревьев, и под ногами мягко стелилась трава. Это лес Айхар, занимающий почти четверть острова, уходящий всё выше по склону, к священному Тхай-Наррахт – Пику Огнелдышащего Ящера. Так далеко идти, конечно, нельзя – склоны Тай-Наррахт запретны. Но где-то там, у самого его подножия, в самом сердце острова, расположился храм Найр-Найр-Хош – храм Девяноста Девяти Мечей.

До него дня три пути, но владения рода Сейларанн – Буревестников – заканчиваются куда раньше. Северная граница проходит здесь, в лесу Айхар, вдоль глубокого ущелья, по дну которого течёт ручей, а на другую сторону перекинут навесной мост. Дорога, идущая через мост, теряется в лесу на другой стороне. Это владения рода Нарров – Ящеров. Там братья были всего однажды – недавно, во время очередного Праздника луны.

Если пойти от моста на запад, ещё дальше вглубь острова, и вскарабкаться по заросшему колючим кустарником склону наверх, то выйдешь как раз к Языку.

Пропасть, что восточнее соединяется мостом, здесь гораздо шире – пожалуй, больше полёта стрелы. При этом южный склон расположен куда выше северного, так что лес на той стороне не мешает обзору. В хорошую погоду отсюда виден и посёлок Ящеров, и дорога, ведущая от него дальше вглубь острова. Хорошо виден и сам Тай-Наррахт – чёрный, как обугленная головня, по форме похожий на обломанный акулий зуб.

Особенно хороший вид открывается, если забраться на продолговатый скалистый выступ, нависающий над самой пропастью и похожий на высунутый язык. Рахт, обогнав брата, устремился на выступ и уселся на самом конце, свесив ноги вниз.

– Брр, Рахт! – поежился старший. – Сколько раз говорить – не делай так! Мне даже смотреть на тебя жутко!

Сам он расположился в паре шагов за спиной брата, на безопасном расстоянии от края.

– В чём дело? Бесстрашный Райс чего-то испугался? – жёстко усмехнулся черноглазый.

– Только дурак ничего не боится! – буркнул Райс. – Так что не будь дураком – слезай оттуда. Вниз брякнешься – мокрого места не останется.

Рахт, продолжая сидеть, упёрся ладонями о землю, выпрямил руки и покачался на них, держа ноги под углом к туловищу.

– Вот засранец! – чертыхнулся сероглазый. – Ну и ладно. Свалишься – сам виноват будешь.

Они довольно долго сидели молча, глядели вниз.

– Видишь что-нибудь? – спросил, наконец, старший.

Рахт покачал головой.

– Я тоже. Может, они уже у Нарров? Тогда, наверное, у нас будут завтра или послезавтра.

– Я знаю...

Снова надолго замолчали. Потом младший, не оборачиваясь, спросил:

– Боишься?

– Испытания? Немного. Хотя я ещё в прошлый раз понял, что буду следующим. А уж последние пару зим...

– Будут же ещё претенденты ... Не знаешь, кто?

Райс задумался.

– Ахан. И, скорее всего, Сэйн. Или Авер. Они достаточно хороши.

– Но не для Храма.

– Да. Ты же знаешь, в Храм возьмут одного. А участвовать в Испытании можно только один раз.

– Угу. Один победитель и два-три подставных неудачника.

– Зачем ты так, Рахт? Ты же знаешь – всё не так. В конце концов, попасть в Храм – это не главное. Участвовать в Испытании – уже честь. Ахан наверняка получит под командование пятерых, а то и десятерых. А если особо отличится – может заработать и какую-нибудь метку. Помнишь, в прошлый раз Кай получил Три клыка?

– Помню. Но Воин Храма – это совсем другое...

Райс потрепал брата по плечу.

– Не кисни, Рахт! Через пять зим – новое Испытание. И ты точно станешь следующим. К тому времени уже никто не сможет с тобой тягаться, вот увидишь. Разве что этот Артангов любимчик, Найл. Но ты и его уделаешь, тебе бы только защиту отработать...

Рахт усмехнулся.

– ...Да прыти поубавить. Горяч слишком, братишка. А голова у воина должна быть холодной.

– Да знаю я...

– Тебе остаётся просто подождать.

– Угу...

– Ну, так чего киснешь? Ты сам не свой с тех пор, как мы вернулись от Нарров. Чего ты там такого увидел?

– Не чего. Кого.

– А-а... – старший оживился, подвинулся ближе к брату. – Дай-ка угадаю... Ты про ту ай-мин, что исполняла танец с мечами? Как же её звали-то...

– Нет.

– Нет? Но я там больше никого симпатичного не заметил! Там вообще женщин было мало. Разве что ты запал на кого-нибудь из безликих? Тогда учти – иногда лучше не снимать маску. Чтобы не разочаровываться. Да и не очень-то нужно видеть во время этого дела лицо...

– Да ну тебя! – Рахт поёрзал на камне и, хотя по-прежнему не оборачивался, было видно, что покраснел. Уши выдавали.

– Ну, давай, рассказывай уже! Всё-таки безлика?

– Нет.

– А кто?

– Она... Её зовут Ахти.

– Ахти? Так ведь она ещё соплячка совсем! Хотя... Ладно-ладно, прости, – спохватился Райс, поймав разгоревшийся гневом взгляд брата. – Она и правда вырастет в настоящую красавицу. Но... Она же айнадар.

– Понял, не дурак.

– Да уж, Рахт, – покачал головой сероглазый. – Ты не ищешь лёгких путей. Хотя айна наверняка одобрила бы твой выбор. Союз с Наррами был бы очень выгоден роду.

– Да плевал я на союз с Наррами! Я хочу её. И... мне показалось... Она так на меня посмотрела...

– Да, брат, ты влип. Ну, ничего. Если эта блажь не пройдёт в ближайшие пару лун – а я, кстати, думаю, что пройдёт – то тебе и правда одна дорога. Поступишь через пять зим в Храм, еще через пять выйдешь оттуда весь в почётных метках с головы до ног. Будешь завидный жених. Да и айнадар твоя подрастёт к тому времени...

– Десять зим...

– Да. Может показаться вечностью. Но другого пути нет. Если сунуться к Наррам сейчас – они на смех нас поднимут. Ты уж не обижайся. Тебе надо запастись терпением. Целым океаном терпения, брат.

– Я понимаю, – опустил голову Рахт.

Айнадар – это старшая дочь айны, правительницы рода. Её единственная наследница. Все дочери, рождающиеся у айны позже, отдаются на воспитание безликим, и со временем либо пополняют их ряды, либо становятся ай-мин – женщинами-воительницами. Власть к айнадар переходит после того, как она получает мужа и рождает первого ребёнка. Тогда действующая айна становится ай-нам – нянькой и советницей. Она по-прежнему уважаема и почитаема родом, но теперь остаётся в тени.

Но представить Силан, айну Нарров, ушедшей на покой... Нет, пожалуй, такого не случится – ни через десять зим, ни через двадцать. Эта женщина упряма и воинственна, как какой-нибудь рыжебородый Сын медведя из Ледяных земель. Наверняка она ещё долго не будет допускать к дочери женихов.

– Она совсем не такая, как мать, – вдруг сказал Рахт. – Она...

– Да помню я. Сухая былинка с во-от такими печальными глазищами... Ладно, не сопи ты так. Уже опять загорелся!

– Зря я тебе рассказал...

Сероглазый устало усмехнулся и, положив руку на плечо младшему, немного помолчал.

– Забуди её, брат. Лучше забудь.

Рахт вздохнул.

– Ладно, хватит уже здесь расслаиваться, – пробурчал старший, потягиваясь. – Пойдём. За крабами пора, а перед этим домой заскочить за снастями.

– Пойдём, – чуть помедлив, отозвался Рахт и тоже поднялся.

Перед тем, как снова углубиться в чащу, он обернулся и бросил последний взгляд в пропасть.

Где-то там, далеко-далеко внизу, тревожно рокотал водопад.

3

Его разбудил бой барабанов.

Сначала несколько утробных, раскатистых, как отзвуки грома, ударов, отзывающихся неприятной дрожью во внутренностях. Это ро-пай – исполинское чудовище высотой в три человеческих роста, установленное на центральной площади. Вокруг него даже возведен специальный помост – бить нужно ближе к центру, с земли не достать.

Рык ро-пая подхватили барабаны поменьше. Их ритм быстрее, хотя и не выбивается из общего величавого настроя, заданного гигантом. Чуть позже к старшим собратьям присоединяются и малые барабаны, вклиниваясь в общий говор короткими рваными фразами. Всё вместе образует чёткий, впечатывающийся в мозг звуковой узор. В нём нет слов, однако он будоражит душу, заставляет сердце трепетать и рождает в воображении сонм ярких, отчётливых образов. У каждого они, наверное, свои. Рахту, например, всегда видятся неисчислимые полчища грозных воинов, мерно вышагивающих под ритм ро-пая. Неисчислимая, неотвратимая, непобедимая сила...

– Рахт!

Юноша вздрогнул, обернулся в сторону темнеющего в стене проёма. На пороге стоял Райс, одетый в парадное санно с длинными рукавами, чёрное с красным – родовые цвета Буревестников.

– Ты чего дрыхнешь? Оглох?! – прошипел брат.

Рахт замысловато выругался, выбираясь из постели. Спал он, как и все воины, на тощем тюфяке, набитом высушенными водорослями. Тюфяк длинный, в два роста, и служит одновременно и одеялом – просто складываешь вдвое и накрываешься верхней половиной.

Повседневная одежда тайских юношей проста – широкие штаны, просторное санно из легкой ткани да сандалии из сыромятных ремешков. Чтобы облачиться, обычно хватает нескольких биений сердца. Чего не скажешь о парадном одеянии.

Рахт, не переставая, ругался сквозь зубы, коря себя за нерадивость. Расставив руки в стороны, он крутился на месте, обматываясь широким поясом – ярко-красным, как свежая кровь.

– Тихо, не торопись! – шикнул на него брат, придерживая свободный конец пояса. – Туже надо! Давай назад!

Рахт, едва не взыв от досады, завертелся в другую сторону.

– С обувкой разберись пока, – буркнул Райс, разглаживая ткань. – И не суетись. Время еще есть...

Наружу они выбрались как раз вовремя. Многоголосый бой барабанов резко стих. И – почти сразу же, едва успели растаять в предрассветной тиши отголоски последних ударов – заговорил ро-пай. На этот раз удары были мерными, как стук сердца, и такими же сдвоенными. Будто и вправду огромное сердце трепещет в ожидании чего-то.

Братья неслись по темным переходам поселка бесшумно и стремительно, как тени, но перед центральной площадью сбавили темп и постарались проскользнуть на свои места в строю незамеченными.

Центральная площадь – как зрачок в глазу – идеально круглая, и расположена действительно в самом центре цитадели Буревестников. С севера она граничит со стеной, огораживающей владения айны, с запада и востока – с жилищами самых знатных воинов. Вниз, напрямик к южным воротам, ведет самая широкая в поселке улица. Сейчас вдоль неё, по обе стороны, выстроились воины в парадных чёрно-красных одеждах. Большинство вооружено боевыми пестами или копьями. Стоят неподвижно, как статуи, уперев оружие в землю и чуть наклонив вперед, так что красные ленты, которыми оно украшено, свисают, как приспущенные флаги.

Алые ленты повсюду – они свисают с кромок крыш, с шестов, вбитых в землю по периметру площади, с опор помоста. Сделанные из легкой ткани, они колышутся от малейшего движения воздуха, как прибрежные водоросли в струях переменчивого течения. Своим ярким цветом они резко выделяются на фоне серых глинобитных стен и потемневших от времени досок, пламенея, как свежая кровь на песке. Вглядываясь в трепетание лент на ветру, Рахт вдруг почувствовал необъяснимую тревогу. Удары барабана лишь усиливали эффект, и вскоре юноше начало казаться, что это не ро-пай, а его собственного сердце бьётся так громко.

На улицах, пожалуй, все мужское население поселка. На площади – лучшие из лучших. Шесть отрядов по сорок воинов. Не очень много, но вполне достаточно для того, чтобы сохранять за собой право владеть тем клочком острова, что зовётся Землями Буревестников. Хотя, если верить рассказам нянек, когда-то эти земли были куда обширнее...

Трон айны выставлен на высоком деревянном помосте на северном краю площади. Задняя часть помоста огорожена частоколом высоких шестов, на каждом из которых трепещет сразу по дюжине коротких алых лент, так что кажется, что они охвачены огнем. Сама Каррейда – айна буревестников – уже на месте. Неподвижная хрупкая фигура в белоснежной накидке с капюшоном, почти полностью скрывающим лицо. Маленькие сухие ладони крепко сжимают лежащий на коленях жезл, выточенный из моржового клыка. Айна уже немолода. Рахт был последним её ребёнком.

Братья стоят в колонне молодых бойцов. Райс – в первом ряду, буквально в нескольких шагах от лестницы, ведущей на помост айны. Рядом с ним – Авер, Сейн, Ахан и другие лучшие ученики Артанга. В основном все гораздо старше Рахта. Сам Рахт – в третьем ряду, с самого краю. Это значит, что ещё немного – и он будет достоин перейти во второй ряд. Это случится уже совсем скоро, ведь ученики из первого ряда после Испытания займут совсем другие места.

Тишина нарушается только боем барабана и шорохом трепещущих на ветру лент. Уже достаточно рассвело для того, чтобы не нужны стали факелы, однако из-за низких облаков, скрывающих восходящее светило, кажется, что посёлок находится внутри огромной пещеры, в которой вечно царит серый полумрак.

Все Буревестники замерли в ожидании.

Вскоре в паузах между ударами ро-пая стали слышны другие звуки. Чья-то тяжелая поступь. Скрип упряжи. Раздраженное шипение ездовых нарров.

Показался авангард длинной процессии. Двое воинов в оранжевых одеждах Храма, верхом на свирепых двуногих наррах с длинными, усеянными костяными наростами хвостами. Въехав на площадь, они разделились, и каждый описал полукруг вдоль переднего ряда воинов, остановившись у самого помоста айны. Когти ящеров отчетливо скрежещут по камням мостовой, и от этого звука у Рахта мурашки забегали вдоль хребта.

Едва показался первый из наездников, по рядам молодых воинов прошелестел легким бризом благоговейный шёпот.

– Джайрах... Джайрах Сожжённый...

Глава Тонг-Хош, школы Чёрного клинка, оказался длинным, худым, как палка, с гладко выбритой головой и широким безгубым ртом. Лицо его походило на испеченный в углях клубень – бурого цвета, все покрыто бороздами и рытвинами. Тем страшнее сверкали на нём глаза – почти круглые, без ресниц и бровей, выпученные, будто от гнева или изумления.

Тонг-Хош тоже считается частью Храма девяноста девяти мечей, хотя вряд ли среди юношей Буревестников кто-то хотел бы попасть туда. Чёрные клинки – это палачи. Безымянные убийцы, способные появляться и исчезать бесследно и беззвучно, как тени. Их боятся, их ненавидят, ими пугают маленьких детей. Сами разговоры о них считаются чем-то грязным, постыдным и опасным. Все соблюдают это табу, но все понимают, что тонг-хош – неотъемлемая часть жизни Тхай. Если бы услуги Черных клинков не были нужны, не было бы и Школы.

Рахт не слышал, чтобы раньше Джайрах присутствовал на испытаниях Храма. Хотя, конечно, он никогда не спрашивал об этом у Артанга напрямую, а сам учитель не стал бы заговаривать об этом первым.

На втором нарре восседал пожилой воин с волосами цвета морской пены. Это Арай, один из прославленных героев войн с Большой землей – западным континентом, отделяемым от островов Тхай лишь узкими проливами. Там живут вероломные люди с черными сердцами и кожей, бледной, как у медуз.

Левая рука седовласого с обмотанными вокруг ладони концами поводьев лежала на луке седла спокойно и расслабленно, но чувствовалось, что, стоит нарру сделать неверный шаг – поводья натянутся, как тетива, и шипы на узде вопьются в болезненные места на морде и шее ящера, заставляя его повиноваться.

За наездниками следовал отряд пеших воинов в парадной броне, делающей их похожими на вставших на дыбы жуков. Отряд немногочисленный, едва ли больше дюжины бойцов. Но каких бойцов! Почти у всех нагрудники украшены оранжевым кругом с тремя мечами, сложенными в иероглиф «Хош». Высшая степень мастерства. Нечто большее, чем просто человек, вооруженный клинком. Собственно, Меч Храма может выйти в бой и вовсе безоружным, но это не добавит шансов его противникам.

Рахт, с трудом сохраняя подобающую неподвижность, во все глаза наблюдал за процессией. Та ленивым потоком оранжевой лавы вытекала из жерла улицы на свободное пространство площади.

Черноглазого юношу интересовали не жрецы в немыслимых головных уборах из самоцветов и птичьих перьев, не полуобнаженные ай-мин, не несущие паланкин со Старейшинами безликие в масках из чистого золота. Даже не сами Старейшины, едва различимыми силуэтами маячащие за полупрозрачными занавесами паланкина.

Он смотрел только на воинов. Когда-нибудь он должен стать таким же. Может, даже занять место одного из них. Сейчас это казалось немыслимым, невозможным, даже смешным... и оттого еще более желанным.

Три паланкина остановились напротив помоста айны, и безликие медленно опустили их на мостовую, оставшись при этом стоять, преклонив правое колено. Наездники остановились в просветах между паланкинами, послушные ящеры склонили уродливые морды к самой земле.

Старейшины Храма – похожие друг на друга, как близнецы – поджарые старики с длинными белоснежными волосами, резко контрастирующими с темно-коричневой кожей. Их одежда тоже оранжевая, но с большим белым кругом на спине.

Рахт уже видел старейшин пять лет назад, во время предыдущих Испытаний. Еще тогда они не произвели на него никакого впечатления. Да, когда-то они были доблестными воинами, но сейчас-то они только и могут, что сидеть с каменными мордами и многозначительно кивать. И почему-то именно эти старые развалины вершат судьбы лучших молодых воинов, а вместе с ними – и их кланов.

Как и остальные юноши, Рахт неотрывно следил за каждой деталью церемонии, но мысли его витали все дальше и дальше. Он почти полностью пропустил мимо ушей приветственные речи, обращение посланников Храма к Сейлараннам и прочую говорильню, хотя остальные собравшиеся на площади, похоже, ловили каждое слово.

А в голове юноши крутились обрывки рассказов Артанга о Храме и Испытаниях. Рахт всегда задавал старому учителю много вопросов. Ответом на большинство из них служили болезненные удары деревянным мечом или долгие часы стояния на торце столба, вкопанного в землю. Видимо, Рахт задавал совсем не те вопросы, какие подобает. Артанг не раз говорил, что юноша слишком дерзок, и помыслы его обращены в неверную сторону.

– Это все равно, что держать меч за острие, а не за рукоять, – ворчал учитель. – Твой ум остр, но это может только навредить тебе, если не научишься держать язык за зубами.

Рахт с раннего детства привык к подобным замечаниям, но ничего поделать с собой не мог. Он всегда видел чуть дальше и чуть глубже, чем сверстники и даже многие из взрослых. А может, просто смотрел под другим углом. Тот самый дух непокорности, что с самого рождения осложняет ему жизнь, отражаясь в беспокойном и вспыльчивом нраве, никогда не позволял Рахту принимать на веру чужие слова. Даже если слова эти исходили от самой айны. Выслушав чужие суждения, он лишь делал вид, что соглашается с ними. Сам же разбирал каждую фразу по косточкам, как рыбак точными ударами ножа потрошит рыбу – отсекая все ненужное и отделяя от костей и потрохов нежные розовые ломти сути.

Вот и сейчас, наблюдая за церемонией приема посланников Храма, он не просто глазел на легендарных бойцов, как это делали большинство из стоящих рядом юношей. Он думал о том, что Испытание включает в себе нечто гораздо более важное, чем представляют себе эти бритоголовые сопляки.

– Огнедышащий дракон стал дряхл и неповоротлив, – бормотал как-то набравшийся рисовой водки Артанг. В последнее время это происходило с учителем все чаще. Еще немного – и об этом узнает айна.

– Лава в его жилах превратилась в дым, а пламя из пасти уже не испугает и ребенка...

– Почему ты так говоришь, учитель? – осторожно спросил тогда Рахт, благоразумно прячась в тени позади Артанга. Если бы тот увидел, кто спрашивает, наверняка пришел бы в ярость и не ответил.

Но старик был пьян и слишком погружен в свои мысли.

– Я помню времена, когда жив был мой отец, – хрипло продолжил он. – Как он увозил в море сотни воинов на таннаках под парусами цвета крови. Когда они возвращались, корабли шли тяжелые, неповоротливые, как самки нарров перед кладкой. Трюмы их ломились от добычи. Буревестники держали в страхе все прибрежные города Большой земли, уходили далеко в пустоши. Объединяясь с кланом Нарров и кланом Зеленого камня, наши отцы громили белокожих, брали их серебро, их женщин, их диковинную одежду. Они доплывали вдоль южных берегов до самого Разлома. Держали в страхе все побережье...

Рассказы о славных былых временах были для учителя обычным делом и успели набить у учеников оскомину. Рахт снова вкрадчиво, вполголоса, спросил:

– Почему же сейчас не так? Белокожие стали слишком сильны?

– Белокожие слабы! – рявкнул Артанг, опрокидывая опустевший кувшин. – Их земля не рождает воинов! Все они сплошь трусливые и изворотливые торгаши, не знающие, что такое честь, что такое открытый бой! Их оружие – грязное, подлое оружие трусов, убивающее издалека. Мой отец мог в одиночку одолеть дюжину белокожих быстрее, чем пущенная вверх стрела вернется обратно на землю. Воины, сражавшиеся с ним бок о бок, были почти такими же умелыми и отважными, и никто не осмеливался становиться на их пути!

Он вдруг закашлялся и замолчал, опустив голову. Замолчал надолго. Рахт, переминаясь с ноги на ногу, не мог решить – то ли окликнуть старика, то ли потихоньку уйти.

– Их привезли на последнем уцелевшем корабле, – неожиданно поднял голову учитель. – В тот раз в поход выдвинулся огромный отряд – Буревестники, Нарры, Дельфины, клан Зеленого камня, Альбатросы... Ждали большой добычи. Но Валор – новый хозяин Большой земли – подтянул все свои силы, а на кораблях его были пушки. Тогда мы еще не знали, что это такое... Не было боя. Белокожие не подпускали наши корабли ближе, чем требовалось для залпа из орудий. Тело отца было все изрешечено картечью, вместо лица – сплошная яма. Бессмысленная, позорная смерть...

Об этом Артанг тоже уже рассказывал, правда, не так подробно. Но только в этот раз Рахт вдруг все понял. Его будто клинком полоснуло.

Тхай обречена. С тех пор, как на Большой земле власть подмял под себя один император, города на побережье, как и внутренние поселения, разбросанные среди пустошей, перестали

быть разрозненными. Они перестали грызть друг друга в междоусобных стычках, постепенно обзавелись береговыми укреплениями и хорошо вооруженными флотилиями. Большая земля перестала быть добычей. И придет время – добычей станет Тхай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.